

Память пламени

Автор:

[Ник Перумов](#)

Память пламени

Ник Перумов

Миры Упорядоченного Гибель богов – 2 #1

Окончилась Война Мага...

Хедин и Ракот, Новые Боги Упорядоченного, в зените своего могущества. Они удерживают в равновесии всю огромную Вселенную. Кажется, наконец настали долгожданные мир и покой. Хедин нашел свое счастье с Сигрлинн, а Клара Хюммель, бывший Боевой маг Долины, – со Сфайратом. В тихом отдаленном мире они с мужем растят четверых детей. Но однажды в окрестностях их дома появляется вампир по имени Ан-Авагар, и в одночасье все меняется. Еще не зная об этом, Хедин и Сигрлинн решают обойти главные источники магии Упорядоченного, однако с первых шагов их «паломничество» оборачивается неожиданной и тревожной стороной...

Долгожданное продолжение легендарной «Гибели Богов»!

Ник Перумов

Память пламени

От автора

Эту книгу я начал писать много лет назад и с тех пор множество раз переписывал. Судьба Новых Богов, Хедина и Ракота, добившихся победы над былыми владыками Вселенной, Молодыми Богами – Ямертом и его роднёй, прослеживалась и в книгах цикла «Хранитель мечей», однако конфликт остался неразрешённым.

В «Гибели Богов – 2» очень много сюжетных линий и персонажей. Я не раз обещал своим читателям, что постараюсь показать завершение многих историй, начатых в более ранних книгах. Однако, когда имеешь дело с историей такой сложности и такого масштаба, нельзя ожидать, что в рамках «первого тома» будет сказано «всё и о всех». Состав действующих лиц будет меняться от книги к книге, в соответствии с развитием сюжета. А кто же есть, спросите вы тогда?

Есть наша старая знакомая Клара Хюммель и её муж, дракон Сфайрат. Есть крылатая воительница Гелерра, есть её соратники – гномы Арбаз и Креггер, тёмный эльф Ульвейн и другие, упомянутые среди подмастерьев великого Хедина.

Есть, конечно же, сам Познавший Тьму, есть Сигрлинн, вырвавшаяся из плена в конце «Войны мага», есть неистовый Ракот. Есть и новые лица, такие как молодой клирик Матфей Исидорти, помощник отца-библиотекаря в монастыре Сил Святых.

Меня часто спрашивали, не опишу ли я события от лица Молодых Богов, Новых Магов или, к примеру, кого-то из апостолов Спасителя. Отвечу так: всё возможно, но не в этом томе.

А теперь – в путь.

Зачин

Ветер гонит сплошное, без разрывов стадо серых медлительных туч. Им нет ни конца, ни края, от окоёма и до окоёма нет ничего, кроме лишь серо-стальной пелены. Лишь кое-где над серым морем вздымаются иссиня-чёрные пики. Они наги, ни снега, ни льда, словно неведомая сила препятствует исполнению всевечных природных законов.

В серой мгле, что царит над слоем непроглядных туч, едва различимо дневное светило. Его лучи бессильно тонут в заткавшей всё пространство пелене, и неведомо даже, есть ли что-то там, внизу, под облаками.

Но вот что-то дрогнуло, заколебалось, взволновалось в сплошных волнах бесцветного моря; мгла закружилась, взвихряясь, расступаясь перед неким существом, поднимающимся по склону чёрного пика. Блеснуло тусклое золото – единственный живой цвет в серо-агатом царстве.

Исполинский золотой дракон медленными извивами взбирается по голому камню. Сейчас он напоминает скорее громадного змея, чем сказочное крылатое существо, и непонятно даже, есть ли у него вообще крылья. Из широких ноздрей вырываются струйки пара, поблескивает мокрая чешуя.

Он достигает вершины, обвивает чёрный пик золотыми кольцами и замирает, вскинув устрашающего вида голову. Пасть распахнута, но не раздаётся ни звука. Зов – если он и звучит – недоступен слуху смертных или бессмертных.

Ответ не заставляет себя ждать. Под ударами могучих крыльев расступается, разлетается в стороны серая мгла, в просторах неба возникает силуэт громадного орла, каких нет и никогда не может существовать в природе, никакие мышцы не поднимут в воздух такого исполина.

Орёл снежно-бел. Каждый взмах его крыльев, неторопливый с виду, покрывает поприща. Он спешит на зов золотого дракона, обвившего вершину мёртвой горы.

Чёрное, золотое, серое и белое.

Две сущности, два Столпа замирают друг против друга. Орёл не садится, он зависает в воздухе, крылья вздымаются и опускаются, коричневые глаза не отпускают взгляд золотого дракона.

Меж ними идёт разговор без слов и звуков. И если бы мы, смертные, смогли робко выглянуть из-за кулис, тщась ухватить хотя бы отрывки беседы великих, то, наверное, мы уловили бы вот что:

– Вспыхивают и гаснут солнца. Рождаются и умирают звёзды, чтобы, сбросив в огне прежнее обличье, дать начало новому. Вихри межмирового пламени несут смерть морям и равнинам, лесам и лугам в равной степени. Мёртвые пространства остаются таковыми бессчётные годы, пока великие мельницы сущего не смелют плоть отжившего мира, раздробив на мельчайшие атомы, что дадут начало новым мирам и звёздам. Нет в этом места ни жалости, ни состраданию, лишь голая, ничем не прикрытая необходимость.

– Но равновесие нарушено. Замедляются и застывают великие жернова, останавливаются зубчатые колёса и передачи. Незримые машины небес и подземелий, равно скрытые от смертных и бессмертных, перестают работать.

– Слишком глубоко проник в Упорядоченное Неназываемый. Он остановлен, но не отброшен. И волны расходятся всё дальше и дальше.

– Слишком многие также охотятся за человеческими душами, залогом возрождения и обновления. Спаситель встаёт на пути идущих к великому Орлу, и что случится, когда Он...

На спине золотого дракона разъярённо вздымается чешуйчатый гребень. Орёл гневно щёлкает клювом.

– Но что может помочь? Что оживит потоки магии, что придёт на подмогу тем, кто стоит насмерть, защищая существующее?

Отвечают оба, вместе, не глядя друг на друга:

– Кровь.

* * *

Шаги отдаются гулким эхом, раскатываются под красно-кирпичными сводами, звуки разбегаются, словно в панике от его приближения. Хозяин замка идёт по сумрачным галереям, где в нишах вместо статуй застыли чучела диковинных многоногих созданий. Сохранённые изошрённой магией, тела кажутся живыми, только погружёнными в глубокий сон. Устрашающего вида когти, клыки и жвала словно готовы вот-вот прийти в движение, пробудиться к жизни. Если долго всматриваться в раскрытые глаза чудовищ, рано или поздно начнёт казаться, что зрачки то расширяются, то вновь сжимаются. Пристальный взор заметит едва ощутимую дрожь кожистых век, мельчайшие подвижки чешуйчатой брони. Твари на самом деле кажутся погружёнными в странное оцепенение – но кто, зачем и почему сделал это?

Шаги удаляются. Стихает их отзвук, и воцаряется зловещая тишина, лишь изредка нарушаемая какими-то странными звуками – едва слышным взбулькиванием, клокотанием, пощёлкиванием, скрипом, – словно чудовища ворочаются во сне, пытаются разорвать невидимые цепи магии, что держат их крепче любых решёток и привязей.

Хозяин замка выходит во двор, пересекает его, ступая по пыльным каменным плитам. Двор пуст, нигде ни одной живой души. Впрочем, мёртвых душ тут не видно тоже, чучела остались внутри. Ворота, не сделанные, не выкованные, являют собой две громадные каменные плиты, поставленные стоймя, – и сейчас они настезь распахнуты. Поднята опускающая решётка. Ржавчина покрыла цепи, барабаны и лебёдки подъёмного моста. Ров вокруг стен обмелел, оплыл, зарос мясистой осокой, тростником, кувшинками. Изредка рассекают воду, подняв над поверхностью треугольные головы, мирные водяные ужи, охотящиеся за лягушками.

Замок плывёт над мирами. Простирается вниз бездна, где-то там, «внизу», – реальность и межреальность, пространство и время, хрустальные сферы светил и потоки магических энергий, где-то там вьётся, извивается Великая Река Времени, где ведут вечную свою игру Драконы. Замок – над ними. Когда-то он был крепостью древних чародеев, ушедших поколений Истинных Магов, и неведомо сколько веков простоял пустым. В нём оставались лишь чудища, безмолвные стражи пустой могилы.

Его новый хозяин задумчиво стоит у самого края провала. Островок, на котором воздвигнута крепость, песчинка в огромном просторе аэра, плывёт над переливающимися облаками, ежесекундно меняющими форму.

Над головой – крошечный кусочек неба. Настоящего неба, голубого, с двумя солнцами. Огненно-красным и ослепительно-золотым. Тучки пробегают от края до края небосклона, отталкиваются от ясно видимого окоёма, отлетают обратно в середину. Небо раскрыто, словно зонтик. Оно только над замком, над его шпилями и черепичной крышей.

Хозяин замка стоит над бездной. Руки упёрты в широкий пояс драконьей кожи. Тянутся секунды, расплавленное время течёт горячей лавой; где-то гибнут миры, где-то рождаются новые звёзды; Хозяин стоит. Он знает, что в угрюмых заводях Великой Реки, куда не решаются заплывать даже неугомонные Драконы Времени, его мгновения обернутся днями или даже неделями; и он знает, что мешкать больше нельзя.

«Пора», – шепчет ветер над острыми шпилями. «Пора», – поднимаются из бездны к нему бессчётные голоса, голоса тех, кому суждено жить и умереть, чья жизнь – лишь краткая вспышка неяркого огня в густом мраке Вечности. «Пора», – слышит он бесплотные слова тех, с кем когда-то дружил и враждовал, с кем, бывало, сживал за пиршественными столами и сходилась грудь на грудь в сражениях – пока не стал тем, кто есть сейчас.

Пора, пора, пора. Грудь сжимает яростный восторг, восторг долгожданного боя. Время пришло. Всё сейчас благоприятствует успеху.

Он медлит ещё одно краткое, неразличимое мгновение, впитывая в себя остающийся позади замок, и его сумрачных обитателей, и облака над головой – всё, что он оставляет за спиной, – и одним духом, словно ныряльщик с утёса, бросается в бездну.

Мир, Астрал, Межреальность. Упорядоченное послушно расступается перед ним. И тело исчезает, чтобы миг спустя появиться в невообразимых провалах Сущего, там, где вновь вскипает кровавая пена боя, чтобы опять, в который уже раз, под чужою личиной, сойтись грудь на грудь. Задержать хоть на миг наступление того момента, который, хозяин знал, непременно наступит. Но пока мы живы – мы будем надеяться, что победим смерть. Иначе мы не можем жить. Мы,

смертные.

То же самое относится и к Богам. Если, конечно, это Настоящие Боги – в чём кое-кто может и усомниться.

Будет кровь.

Кровь...

Пролог

Хедин, Бог Равновесия

Я редко сижу на месте. Упорядоченное не знает покоя, а вместе с ним не знаю покоя и я сам. Подобно тому, как в тысячелетнем изгнании я жадно отыскивал новое знание, странствуя от полюса до полюса и в Хьёрварде, и в иных мирах, добираясь до логова Лунного Зверя, – так и сейчас Межреальность раскрывает предо мной свои тропы; но, увы, всё реже и реже я, Бог, могу странствовать по одной лишь собственной свободной воле.

И верно. Ведь мы с Ракотом всего лишь «пленники на невесть сколько тысячелетий, пока не появится некто, ещё более сильный или дерзкий, и не свергнет нас».

У меня вырвались эти слова, когда уже отгремела битва в Обетованном, пали Молодые Боги, и Дух Познания, явившийся нам подле источника Урд, великий Орлангур, провозгласил: «Вступайте во владение, о Новые Боги!»

Новые Боги. Новые. Боги. Слова эти накрепко засели у меня в голове на целые бездны времени. Боги. А Боги должны...

Кому должны? – спросил бы иной киник. И получил бы выпранный ответ, мол, должны самому Упорядоченному, раз уж «оно выбрало нас», должны всему множеству смертных, разумных и нет, расселившихся по множеству миров.

Потребовалась кровавая битва за Брандей, летающий остров, с корнями вырванный из плоти Хьёрварда и перенесённый его хозяевами, слугами Хаоса, в Межреальность, потребовалось потерять и вновь обрести Сигрлинн, мою Сигрлинн, чтобы понять одну простую вещь.

Бог должен лишь самому себе.

Парадокс?

Ничуть не бывало.

Большой соблазн умалить самоё себя, сказав: мол, мы лишь слуги Упорядоченного, воплощающие его волю, что-то вроде верховных жрецов. Всегда хочется переложить груз на чужие плечи, прикрыться ещё чьим-то именем, спрятаться за бронёй непреложных законов, клятв, присяг и долгов.

Но Бог потому и Бог, что присягает не он, а присягают ему. И нам, паре бывших Истинных Магов, инструменту, созданному Упорядоченным – или Творцом, – предстояло самим сделаться теми, кому присягнут. Боги не могут существовать одни. Закон Равновесия, что проявлял себя всё сильнее с каждой эпохой, ничего не запрещал и ничего не прощал. Сила Бога не может растрачиваться на так называемые мелочи.

Научи другого, а не сделай сам. Научи тех, кому вставать на пути разрушения, распада и Хаоса. Не говори о добре и зле, веди речь о сохранении сущего, а с добром и злом разумные разберутся сами.

Так появились мои подмастерья. Сами они называют себя моими учениками. Ученик же у меня только один – Хаген, последний из всех и формально давно Учеником быть переставший, но, пока бьётся его сердце, никого иного назвать Учеником я не в силах.

Однако задолго до того, как мы с Ракотом впервые сошлись лицом к лицу со Спасителем, до того, как вернулась Сигрлинн, пока ещё летел, рассекая простор Межреальности, мой тайный замок, погубленный Дальними[1 - См. роман «Война Мага. Конец Игры», т. 1, с. 7-8.], – мне довелось-таки постранствовать, как в былые времена.

...Выдалось затишье. Редкое, почти небывалое дело в позднейшем. Мы с Ракотом отбили козлоногих слуг Неназываемого; огляделись вокруг и – о чудо! Ничто не горело, нигде не рушились миры, и даже Спаситель куда-то скрылся, во всяком случае, в ближайших к Обетованному областях его не было, не появлялся Он и возле ключевых миров, миров, особенно важных для вечного сотворения всё новых и новых объёмов пустоты, нагого пространства, с незапамятных времён скармливаемого нами Неназываемому.

Нам не сиделось в тайных крепостях. Ракот, как обычно, лихо присвистнул, закинул на плечо исполинский двуручный меч и в излюбленном облике синеглазого и черноволосого силача-варвара направился на очередную битву с очередным злобным колдуном; я же просто покинул замок, шагая куда ноги несут и куда глаза глядят.

Глаза глядели в дальние области, к самым рубежам Сущего и Хаоса; наверное, меня вела давняя вина, ведь когда-то, ещё до падения Ямерта и его родни, мне довелось почерпнуть сил у того поистине безбрежного океана, что омывает крошечный по сравнению с ним островок Упорядоченного.

...Здесь кончаются ровные и торные дороги Межреальности; разумеется, торные лишь для меня да ещё Ракота. Здесь нет устроенной тверди, здесь нет привычных нам миров со звёздами и светилами, с морями, горами и континентами. Здесь реальность кипит и плавится, здесь причудливо извивается сама Река Времени, и драконы, резвящиеся в её водах, становятся хищными, дикими и опасными. Сюда добирался когда-то, отыскивая союзников, Ракот, готовясь штурмовать само Обетованное, – в ту пору он звался ещё и Ракотом Восставшим, Повелителем Тьмы. Никого не нашёл и навсегда покинул эти негостеприимные места.

...Прошли зоны, и сюда вновь наведалься уже я сам. Одна из привилегий Нового Бога, Бога Равновесия, – сквозь Межреальность ты пробираешься куда быстрее, нежели в ипостаси Истинного Мага.

Остались позади обитаемые области, «упорядоченное Упорядоченного». Ветры магии возле границ сущего особенно сильны, и я понимал, почему именно тут, близко к границам, Ракот выбрал место для своей тёмной цитадели, в Нижних мирах, мирах, наиболее близких к Хаосу.

...Здесь могли подниматься исполинские башни, недобро глядящие окрест тысячами узких бойниц. Мириады зорких глаз могли неусыпно озирать окрестности, готовые поднять тревогу. Здесь на тысячи лиг могли тянуться зубчатые стены, возвышающиеся настолько высоко, что задери голову – никакого взора не хватит углядеть верхний край и боевые парапеты. Щели бездонных рвовпропастей рассекали подступы ко главным воротам и надвратным башням, и там, на страшной глубине, полыхали неугасимые костры. Отражение Больших Костров Ракота, разводимых перед его тронном... Я помню всё это, я побывал на развалинах твердыни моего названного брата – но сейчас представил это всё здесь с особенной чёткостью и яркостью. Я ведь тоже мог отправиться по той же дорожке. Познавший Тьму разве может не последовать за её же Повелителем?

Я не последовал. Тогда я спас себя, как оказалось – и Ракота, хоть и далеко не сразу.

Но что случилось бы, выступи мы тогда вместе? Повелитель Тьмы и Познавший Её же?

И именно в тот миг, паря над кипящей огнями бездной, над колоссальным провалом в ткани Бытия, я впервые задумался, а что могло случиться, если б мы тогда объединились и победили. Тогда, без «воли Упорядоченного», без Великого Орлангура, так или иначе, но оказавшегося на нашей стороне? Что если бы мы взяли верх? И армии двух крепостей, двух твердынь, с двух сторон обрушившись на Обетованное, ворвались бы в цитадель Ямерта?

...Долгие столетия моего изгнания я не допускал никаких подобных мыслей. Приказал себе не думать и запретил думать. Я добывал знания, набирался горького опыта, зарабатывая шрамы с ожогами – как видимые, так и нет, я составлял план своей собственной войны, а чтобы было легче – заставил самого себя накрепко поверить, что, даже выступи я в союзе с Ракотом, нас ждало бы неминуемое поражение, и тогда, развоплощённых, со Дна Миров нас не выручил бы уже никто.

Нет, оспорил я себя – янынешний, паря над великой бездной.

Сигрлинн. Уничтожив мою Ночную Империю, она уверила весь Совет Поколения, не исключая и самого? проницательного Мерлина. А через них – и Ямерта

с компанией. Смирилась бы она с нашей карой? Сочла бы её справедливой? Или тоже затаилась бы, составляя хитроумные планы, пока б не выступила в свою очередь? И тогда бы она, не мы, услышала слова восьмизрачкового дракона: «Вступай во владение, о Новая Богиня!» Хотя нет, мы бы, скорее всего, тоже удостоились титула, подобно тому, как стал Новым Богом освобождённый мною Ракот.

Но насколько б всё тогда обернулось по-иному! И Сигрлинн не оказалась бы в плену у брандейцев, и ей не пришлось бы вести долгую и отчаянную двойную игру, будучи частью Западной Тьмы Эвиала! И, наверно, не был бы призван Неназываемый...

Я поймал себя на том, что ни на миг не усомнился ни в самой Сигрлинн, в том, что она и впрямь пришла бы к нам на помощь, ни в том, что ей удалось бы одержать верх в противоборстве с Молодыми Богами. Вместо коричневокрылого сокола над Упорядоченным пронёсся бы феникс, сотканный из чистого пламени. Стало бы от этого лучше? Или хуже? Или всё осталось бы так же?

Но Сигрлинн тогда, в те времена, ещё не было с нами. Здесь смешиваются мои воспоминания с нынешними мыслями. Нынешними – когда уже отгремела битва за Эвиал, слились два мира и Ракот заполучил Ученика, впервые за невесть какую бездну времени. Нынешними – когда вернулась Сигрлинн.

Тогда ничего из помянутого выше ещё не случилось, и саму Сигрлинн я считал потерянной навсегда. И, наверное, оттого затопившие меня горечь пополам с болью я помню посейчас и едва ли когда-то забуду.

И вот былая твердыня Ракота позади, а подо мною раскинулась граница. Я приблизился к самому краю Сущего. Кипящее пространство внизу очень походило на опоясавшие логово Неназываемого огненные вервия, колоссальные, необозримые океаны новосотворённой пустоты, что ежесекундно гибли в ненасытной утробе вечного чудовища.

И, наверное, именно тогда я впервые подумал – а что если в один прекрасный день Источники магии иссякнут? Что если и Урд, и источник Мимира, и даже неистовый Кипящий Котёл пересохнут, покажут дно? Нет, невозможно, немислимо, тотчас оборвал я себя; магия, её потоки и ветры даруют жизнь всему в Упорядоченном, они не могут ни утихнуть, ни исчезнуть. Они вечны

и постоянны. То, что остановит их, прекратит и существование всего живого в обитаемой Ойкумене.

...Я отогнал недобрые помыслы. Забота Бога – беспокоиться обо всём, даже о невообразимом. Буйство стихии, ярость материи, не знавшей властных рук Древних Богов, завораживали; быть может, именно тогда я стал чуть лучше понимать поклонявшихся Хаосу: не всех их манили лишь обещаемые им сила, власть, могущество или богатство. Кто-то следовал и просто за необузданной красотой, хотя таких, конечно же, было ничтожное меньшинство.

Исполинский протуберанец, золотисто-оранжевый, весь из холодного пламени, выметнулся на тысячи лиг у меня под ногами, словно язык жадного и вечно голодного чудовища облизывал всё вокруг в поисках добычи. Насколько мог окинуть глаз – и простой, и божественный, – простирались океаны неоформленной, невоплощённой материи. Магия водопадом обрушивалась на складки Сущего, заставляя грубую тварную плоть Упорядоченного светиться и пылать, не рождая жара, многоцветным ледяным огнём.

Заворожённый, я стоял – хотя правильнее будет сказать «висел», – не в силах оторвать взгляд от первозданного буйства стихии. Казалось, лишь мгновения протекли с того момента, как Творец развёл незримые ладони, и во всём Упорядоченном до сих пор бушует изначальный огненный шторм, где в безумии пламени гибнут остатки Хаоса, и рождается новое, новая ткань бытия, что впоследствии сделается мирами и Межреальностью.

Упорядоченное не застыло, оно не неизменно. Есть в нём до сих пор кипящие первозданной силой и нерастраченной мощью области, где первобытная магия бьётся в стены незримой клетки, готовая излиться в Хаос, отбросить его ещё дальше от обитаемых пределов.

Наверное, в тот самый момент я воочию представил себе, как скопленная Упорядоченным сила прорывается в безбрежный Хаос, сметает возведённые преграды, преображая первозданную ткань сущего, сотворяя на её месте... что?

Ведь именно так, замерев, думал я, растекались по Хаосу огненные волны первого мига творения. Им не было преград, и сами лорды Хаоса бежали – в ужасе, если только они способны испытывать ужас. Пылающая сила, огонь Творца, один-единственный ослепительный миг, когда Он создал

Упорядоченное – и на зоны времени Хаос отступил. Отступил, проиграв битву, но в надежде выиграть войну, вернув утраченное обратно в своё бездонное лоно. Ни зачем, ни для чего, просто потому, что такова его природа. Таковы его повелители, которых никто и никогда не видел.

Так я стоял долго, замороженный открывшимся. Упорядоченное всё ещё молодо, думал я. Оно способно изменяться, способно преобразовать не только себя, но и окрестный Хаос. Оно выстоит, выдержит – если только не окажется подточено гнилью изнутри.

А гниль испокон веку выжигали огнём. Первозданным.

«Повелитель Хедин».

Негромкий и спокойный голос, возникший в сознании, заставил срочно свивать в тугую глобулу вокруг себя вольные потоки магии. Никто не знал, что я здесь. Никто не мог подобраться ко мне незамеченным, а если смог – плохо моё дело.

Вокруг – никого, одно лишь буйство исходной стихии.

«Повелитель Хедин позволит приблизиться?»

Звучал язык моего Поколения, язык Истинных Магов, на котором говорили наши учителя и наставники.

«Кто вы?»

Я искал. Спирали силы стремительно разворачивались, пронзая видимое и невидимое, проникая в потайные складки Межреальности; Истинный Маг Хедин, наверное, никого бы не обнаружил, но Бог Равновесия Хедин – увидел.

Семь призрачных фигур, отдалённо напоминавших человеческие. Они существовали и здесь, и там, и в вещественном мире, и в пространстве духов; мне ещё никогда не попадалось ничего подобного.

«Мы просто живём здесь, – последовал ответ. – И очень, очень давно не видали в наших пределах никого, подобного тебе».

«Откуда вам известно моё имя?»

«Всё Упорядоченное знает тебя, о Новый Бог. Оно само назвало нам тебя».

«Кто вы?» – повторил я.

«Мы те, кто есть, – терпеливо ответили мне. – Немногие, кому ведомо о нашем существовании, зовут нас ангелами огня. У нас нет иных слов для самих себя. Мы обитаем здесь, в первозданном пламени. В месте, что хранит память о руках и разуме Творца. Мы помним первые мгновения мира. И, когда настанут его последние мгновения, мы примем его предсмертный вздох».

«Зачем? – резко спросил я. – Если исчезнет Упорядоченное, кому важны его “предсмертные вздохи”?»

«Тому, что придёт на смену», – последовал невозмутимый ответ.

«Что же может прийти на смену?»

«Мы не знаем. Но верим, что придёт, иначе всё существование лишено смысла, а Творец не мог не вкладывать смысл в наше бытие».

Про себя я подумал, что смысл в наше бытие мы вкладываем исключительно сами, но «вслух» ничего не «сказал».

«Мы здесь, чтобы поклониться тебе, повелитель Хедин».

«Поклониться? Зачем? Впервые, вы впервые меня видите, а во вторых, поклонение чуждо и мне, и моему названому брату».

«Пламя несёт вести быстро. О случившемся мы узнаём почти сразу. Твои деяния поистине вызвали нашу признательность. Мы не кланяемся, унижая себя. Мы кланяемся, выказывая уважение».

«Я польщён».

«Есть многое в Упорядоченном, повелитель Хедин, что способно удивить даже тебя».

«Я никогда не претендовал на всезнание».

«Вот поэтому-то мы и решили представиться тебе».

«Благодарю. Но...»

«А теперь мы уйдём, повелитель Хедин».

«Постойте!»

«Мы встретимся, повелитель Хедин».

Одиночество. Мои собеседники растворились, ушли из реальности – словно их тут никогда и не было.

Кто они? Иные, не призраки и не духи, не существа из плоти и крови. Обитатели изначальной стихии, островка первичного Упорядоченного, быть может, самые древние его жители.

Я не успел расспросить их ни о чём – они ушли безмолвно, как и многие другие, почти всеильные в строго отмеренных им пределах. Создавшие свой «тихий» мирок – или пространство, но отгородившиеся от прочего, отказавшиеся от деяний в Упорядоченном, избравшие стезю «хранителей» не совсем понятно чего.

Что ж, они поклонились мне, принесли оммаж, но, само собой, до строго отмеренного предела. Если случится настоящая гроза и в бой отправятся все до единого мои подмастерья, на помощь этих созданий рассчитывать не придётся.

По крайней мере, честно.

Я никогда никого не уговариваю. Кто страшится боя или считает себя выше этого, кто уверен в собственной неуязвимости или неприступности собственной

крепости, неважно, воздвигнутой своими усилиями или дарованной стихийными силами – пусть они пребудут в покое, непотревоженные. А вот их обиталище, признаюсь, занимало меня тогда куда больше.

Вместилище изначального огня. Того самого, что я пустил в ход, когда на Хединсее пришлось отражать натиск Дальних. Но тогда я вынужден был пробиваться к его областям, крушить и сминать пласты реальности страшным молотом – по подсказке Сигрлинн. Пламя Неуничтожимое, пылающее в самой глубине сущего; я едва достиг его в последний миг, а тут – поглядите-ка! – его целые моря и океаны. И не сказать, что оно «скрыто», вовсе нет: приходи любой, приходи и смотри, если дойдёшь. И бери, если сумеешь взять. Или удержать.

О пользе, как говорится, пеших прогулок после обеда, подумалось мне.

Я долго ещё не мог прийти в себя. Хотелось, конечно, заполучить это пламя с собой, носить при себе; и, наверное, Истинный Маг Хедин не преминул бы так и поступить, найди он более-менее надёжный способ сохранить это сокровище.

Истинный Маг, не бог Хедин.

Бог, не устающий задаваться вечным вопросом: «Что же такое настоящая божественность?»

Я ничего не взял из пламенной купели. Пусть всё пребудет так, как оно есть.

И пусть никогда не потребуется мне ломать и крушить плоть Упорядоченного, силой вырывая это пламя из его лона.

* * *

Миновало время. Кончилась и мирная передышка – в конце концов, она далеко не вечность, которая, как мы знаем, тоже имеет обыкновение проходить слишком быстро.

Я не забыл об удивительных созданиях. Рассказал о них Ракоту, брат подивился и, со свойственной ему горячностью, тут же отправился туда. Вернулся он непривычно задумчивый, не похожий сам на себя.

- Они говорят, брат, что у них есть дар для тебя.

- Дар? - удивился я. - Мне они сказали, что не желают никак втягиваться в наши войны.

- Они и не втянутся, если я верно их понял. Однако они просили - покорнейше просили, очень вежливые! - передать, что ты можешь при нужде почерпнуть силы в их пламени.

- Очень любезно с их стороны, - хмыкнул я. - А вот почерпнуть сил... Пока не требуется, брат.

- Лучше б и не потребовалось, - буркнул Ракот. - Слишком уж памятен тот день. Ведь если б не то пламя...

Брат щадил мои чувства. «Если б не Сигрлинн, указавшая нам дорогу к нему», - следовало б ему сказать.

- Я обдумую. - Ничего не переделаешь, Хедин, Познавший Тьму, и боль, что всегда с тобой, не должна помешать исполнить главный долг.

И я обдумал. Пламя Неуничтожимое, первый дар Творца новорождённому Упорядоченному, что мне пришлось вырывать с мясом и кровью, лежало у ног, словно прося - возьми меня, используй!

Прошло ещё долгое время, пока я не додумался, пока не выстроилась система заклинаний, больших и малых, и пока великое Пламя, свирепое и неукротимое, замерцало мириадами мелких искорок-звёзд, складываясь в лёгкий, почти невесомый меч.

Я всегда любил оружие. Я с гордостью носил Чёрный меч, подарок Ракота, пока не вернул заветный клинок названому брату после нашего бегства со Дна Миров; до сих пор памятно, как мы с Хагеном добывали ему Голубой Меч у Бога Горы. Но своего меча так и не сотворил, может, потому, что главным для меня всё равно оставались заклятия, а мечи, копья, шпаги и прочее - не более чем красивое дополнение к настоящему оружию.

Но на сей раз всё вышло по-иному. Сотканный из множества крошечных звёздочек, в каждой из которых пылала частичка Пламени Неуничтожимого, он получился на славу. Я редко горжусь созданным, но на сей раз испытал нечто похожее. Раздробить и разъять, казалось бы, неразнимаемое и вновь соединить, уже по-другому. Извечный принцип, однако, далеко не всегда справедлив для высшей магии. Разъятое, подобное живому телу, умирает. Некромант может заставить части трупа и даже целый труп обрести отвратительное подобие жизни, но не воссоздаст её исходность.

Звёздный меч лежал передо мной, неярко перемигиваясь бесчисленными огоньками. Я вытирал честный трудовой пот, чувствуя себя каким-нибудь гномом из Подгорного племени, только что отошедшим от горна и наковальни.

И, сотворив его, я не мог не отправиться обратно, на самый край Упорядоченного, к огненной купели и её неведомым хозяевам, не пожалев ни времени, ни безжалостно брошенных дел.

Они появились. Незримые, но присутствие их я ощутил тотчас.

«Носи наш дар, повелитель Хедин. Он привычного тебе вида – клинок, или меч, как вы его называете. Пусть это станет знаком нашего почитания Новых Богов и символом нашей верности. Мы не покидаем нашу Купель, мы не сражаемся ни на чьей стороне, но наш дар, хочется верить, поможет тебе».

«Благодарю».

Я не стал спорить. Если хотят считать созданный мною звёздный клинок своим «даром» – пусть считают. Лишь бы не стали подручными у Дальних.

«Мы знаем – Новый Бог недоверчив. Будучи вынужден сражаться во многих битвах, он богат врагами. Подвергни наш дар испытанию, какому возжелаешь. Но помни о нём»

Не могу сказать, чтобы это мне особенно понравилось. Таинственные обитатели пламенной купели не имели никакого отношения к моему клинку. Каким ещё «испытаниям» я должен его подвергать?

Но спрашивать, разумеется, несовместимо с достоинством Бога.

Больше я не приходил к огненной бездне, к исполинской пламенной чаше. Пусть её обитатели пребудут в покое; а мы, Боги Равновесия, постараемся, чтобы она таковой и осталась.

О той встрече остался напоминать лишь звёздный клинок на стене моего оружейного покоя.

...Ракот, осмотрев меч, одобрительно хмыкнул.

– Хорош, спору нет. Но мне как-то уж мой старый роднее. – Он подбросил и ловко поймал Чёрный меч за эфес, словно тот ровным счётом ничего не весил.

Я промолчал. Смотрел на своё создание и невольно думал об испытаниях, упомянутых хозяевами пламенной купели.

Что-то подсказывало мне, что проверить новое оружие в деле мне доведётся уже совсем скоро.

Так бывает всегда. Предчувствие, предвидение, прозрение. Дрожания незримых струек, тончайших нитей пронзающей всё Упорядоченное животворной силы – и мы, Новые Боги, обязаны почувствовать боль, или страх, или гнев, или тревогу. Упорядоченное выбрало нас, выбрало нас – что это значит? Выбрало, просто потому, что иначе Оно могло закончить своё существование в утробе Неназываемого? У созданного Творцом обитаемого космоса не осталось иного выхода?

На что способен этот клинок, сотканный из частиц Пламени Неуничтожимого? И какую цену потребует заплатить за это безжалостный Закон Равновесия? Я не «не верю в случайности», я знаю, что никаких случайностей не бывает. А уж стоит ли за каждой из них чья-то воля или слепые законы – другой вопрос.

Глава I

Хедин, Сигрлинн, Ракот

Подброшенный сильной рукой булыжник взлетел вверх, под самый потолок, к пересекавшим его тёмным балкам, покрытым причудливой резьбой, острыми арками, маленькими шпильями и головами высунувших языки горгулий.

Дзинь!

Чёрный клинок пронёсся сквозь подброшенный камень, рассёк его надвое с такой быстротой, что две половинки так и летели вместе, словно и не случилось стремительного удара.

– Не злись, брат.

Ракот резко повернулся, проделав мечом сложную восьмёрку.

– Как же тут не злиться? – Клинок мелькнул ещё раз и ещё, обратив падающий вниз разрубленный булыжник в пригоршню каменной пыли.

– Мы победили, – напомнил Хедин, Познавший Тьму. Напомнил в бессчётный раз.

Сквозь стрельчатые окна пробивался свет, свет не какой-то отдельной звезды, но самого Упорядоченного. Цитадель Хедина, так же как и погибший от рук Дальних замков, возвели на огромной скале, плавающей в бескрайнем океане Межреальности. Новый Бог всем прочим жилищам предпочитал именно такие – если не считать его скромного дома в Обетованном, неподалёку от источника Урд, но там Познавший Тьму останавливался, лишь когда требовалось какое-то вмешательство в дела подмастерьев.

Многоцветный витраж изображал сошедшихся в смертельной битве дракона и единорога. Казалось бы, могучее крылатое создание, изрыгающее потоки истребительного пламени, легко возьмёт верх над белым тонконогим конём с золотистым витым рогом в середине лба, однако единорог держался молодцом. Придавив одним копытом чёрное драконье крыло к земле, он направлял свой рог прямо в разверстую пасть чудовища, и вокруг золотых извивов уже вспыхнуло радужное сияние, предвестник последнего смертельного удара.

Сигрлинн, волшебница Сигрлинн в облегающем белом платье до пят стояла, замерев, перед витражом, вскинув левую руку и опираясь ею о край оконной рамы, правую, согнутую в локте, чародейка заложила за спину.

– Никогда бы не подумала, что Познавший Тьму потерпит в собственном кабинете столь явную аллегория Её поражения!

– Подарок альвов, – с некоторым смущением буркнул Хедин. Прищёлкнул пальцами – в огромном камине забушевало пламя.

– Интересно, кто же здесь единорог? – в голосе Сигрлинн прорезалось едва уловимое лукавство. – И кто дракон?

– Давай ты у нас будешь единорогом, сестра? – выпалил Ракот, пряча чёрный меч в ножны. – Согласна? Будем считать это изображением твоей победы над Западной Тьмой вообще и брандейскими предателями в частности.

– Не сердись. – Она качнула волной волос, оттолкнувшись от стены. – Не сердись, брат.

– Как?! – вскинулся Ракот. – Как мне не сердиться, не яриться, не негодовать?! Какой-то смертный колдунишка... нас с Хедином... едва не...

– «Едва не» не считается. – Сигрлинн остановилась рядом с кипящимся Ракотом, коснулась его плеча. – Это не гладиаторские игры, где порой если бьются не до смерти, то считают удачные удары каждого из бойцов.

– Как это «не считается»?! – возмутился бывший Владыка Тьмы. – Не надо повторять, что мы, мол, победили. Ещё раз, говорю снова и снова – какой-то смертный чародей нашёл способ заключить нас в... темницу, скажем так. И мы ничего не могли сделать!

– Но мы сделали, – негромко возразил Хедин. – Ты сам и сделал. Ты и твой Ученик.

Ракот недовольно дёрнул плечом.

– А если бы Императора Мельина там не оказалось? Нас спас слепой случай, брат. Везение, сестра.

– Нет, – покачала головой Сигрлинн. – Здесь не бывает ни случайностей, ни везения, Ракот.

– Не понимаю, – проворчал тот. – Колдунишка спеленал нас, словно младенцев. И мы...

– Где тот «колдунишка» теперь? – перебила Сигрлинн. – Как и чем он кончил?

Владыка Тьмы шумно засопел. Ракот до сих пор не мог смириться с тем, что почитал унижением.

– Ну, хорошо, – наконец проворчал он. – Хотите считать это невиданной победой – считайте. Но что если удавшееся одному умнику повторят и другие? Где его записи, архивы, где его секреты? Вы уверены, вы оба, что он не оставил какой-нибудь «Книги уловления богов» с подробными описаниями? И что если всё это угодит в руки ещё бо?льшему хитрецу? Ты уверен, брат, что мы выпутаемся и в следующий раз? А если выпутаемся, то какой ценой? Ненавижу быть дичью. Всё свободное бытие своё оставался охотником. Даже тогда, при последнем штурме, когда Ямерт с братьями и сестричками рушил стены моей цитадели. Почему ты молчишь, Хедин? Ты, мастер хитроумных планов и комбинаций? Отчего замкнул собственные уста, как сказал бы какой-нибудь бард?!

Всё время, пока длилась горячая тирада Ракота, Познавший Тьму молча просидел, не шевелясь и глядя на огонь.

– Хаген в Долине Магов, ты знаешь, брат. Он досмотрит.

Судя по всему, Ракота это не слишком убедило.

– Чего ты опасаясь, Хедин? Почему нельзя просто явиться в Долину, выбить двери в жилище этого самого Игнациуса, после чего предать огню все и всяческие свитки, что там окажутся? Никто не погибнет, никто не пострадает. Зато мы избавимся...

– Мы не избавимся, брат. – Сигрлинн глядела на Ракота мягко и сочувственно. – Что смог сделать один смертный чародей, повторят и другие. Рано или поздно.

– Значит, надо давать отпор!..

– Кому? Ты станешь охотиться за всеми мало-мальски сильными магами Упорядоченного? Боюсь, даже Ракоту Восставшему, в зените его могущества, со всеми Тёмными Легионами это оказалось бы не под силу.

– Ракоту Восставшему – быть может, – не сдавался бывший Владыка Тьмы. – А Новому Богу Ракоту – так очень даже, особенно если поможет его брат Хедин, тоже Бог, по счастливому совпадению.

– Ты серьёзно? – Сигрлинн упёрла руки в боки. – Следить за всеми магами Упорядоченного?

– Нет, конечно, – нехотя буркнул Ракот. – Но хотя бы за теми, что лезут в запретные области! Их-то заклятия мы благодаря Читающим можем расшифровать? А для того чтобы знать, что именно мы должны искать, нам и нужен архив Игнациуса. Причём немедленно. Пока на него не наложил руки кое-кто ещё.

– Я бы не доверял так уж безоглядно Читающим, – напомнил Хедин. – Ты забыл?

– Ничего я не забывал! Но даже если у нас и появились подозрения, что-то из их сведений мы можем использовать? Особенно если не ставить их в известность, зачем нам всё это нужно!

– У меня есть план получше. – Хедин по-прежнему глядел в пляшущее пламя.

– Планы Хедина... дело становится интересным, – хмыкнул Ракот. – Шучу, брат.

– Я знаю, – невозмутимо отозвался Познавший Тьму. – Но я, если честно, полагал, что никуда нам врываться и ничего жечь не нужно. Напротив. Предпринять стоит, мне кажется, прямо противоположное. И Хаген тут окажется поистине незаменим.

Уголки губ Сигрлинн чуть дрогнули. Лёгкая полуулыбка-полуузнавание. «Да, ты такой, мой Хедин», – казалось, говорила она.

– Сгораю от нетерпения, – буркнул Ракот.

– Кто вообще знает, что с нами случилось в Эвиале? Кто знает, что в поисках заклятий, направленных против нас, ему надлежит направить свои стопы в Долину? Сколько уже столетий она существует, а доселе никаких мятежников, восстающих против нас, там не появлялось. Игнациус первый.

– И должен остаться последним!

– Совершенно с тобой согласна, брат. Но посуди сам, если такие заклятия оказались возможны, не исключая, что и наши... недруги не преминут ими воспользоваться.

– Читающие! – глаза Ракота сузились.

– Совершенно верно. Всё, сотворённое Игнациусом Коппером, запечатлено в их шарах.

– Уничтожить! Немедля!

– Как ты убедишься, что уничтожил именно то, что надо? Мы, хоть и зовёмся Богами, всезнанием не наделены, если ты забыл, брат. А Читающие обожают торговаться, – уронил Хедин, глядя на чародейку.

– Гррр... – вырвалось у Ракота.

– Воистину. Насколько ж проще всё было в твою бытность простым Повелителем Тьмы, верно, брат?

– Повелителем, но отнюдь не простым, – буркнул Ракот. – Впрочем, неважно. Что ты задумал, Хедин? Что нужно сделать в Долине?

– Можно, я скажу? – Сигрлинн сделала шаг вперёд, наклонив голову и лукаво глядя на братьев – ни дать ни взять первая ученица, отлично знающая урок. –

Я скажу, а Хедин меня поправит, если что.

Познавший Тьму и Ракот переглянулись.

– Так можно? – Ни дать ни взять послушная жена.

– Можно, – наконец проговорил Хедин с осторожной улыбкой.

Сигрлинн улыбнулась в ответ и заговорила.

* * *

– Всё-таки это загадка. – Она жмурилась, переливая радугу из ладони в ладонь. – Мы способны стать ветром и огнём, водопадом и скалой, можем вспыхнуть звёздами и обернуться темнотой...

– Но? – Он тоже улыбался, и алая полоска в радуге вспыхивала бесчисленными искорками.

– Но остаёмся в человеческом теле. Любим друг друга – совершенно как люди. Ну, почти что как. – В улыбку чуть добавилось лукавства.

– В Голубом Городе мы, помнится, занимались этим, как говорится, на семи ветрах... – Он сощурился, вспоминая.

– И сами обращались в два вихря, – добавила она, садясь на постели. Подтянула колени к подбородку. – Как только не чудили... Но чувства... были чувствами магов. А нам надо было понимать других. Понимать, Хедин, понимать без остатка. Потому-то мы всё равно и пришли, – кончики пальцев коснулись его лба, – всё равно пришли вот к этому. К бисеринкам пота. К сбившемуся дыханию. К тому, – она стрельнула глазами, – что кричишь от счастья. Хотя, надо признаться, тут мы малость сжульничали.

– Это как?

– Чувствуешь всё куда острее, чем обычные смертные, – хохотнула она.

– Ай, коварные!

– О да. Мы, повелители стихий, мы, возводившие Голубой Город, сжульничали. Ужасно, да?

– По-моему, прекрасно. – Он смотрел на завиток волос возле её уха, вьющийся, словно весенняя лоза. – Кем я был без тебя всю эту бездну времени? Сам не пойму...

– А ещё там были бабочки, – вдруг вздохнула она. Радуга вырвалась из её ладоней, вспорхнула к потолку дивным многоцветным чудом. – Я забыла, когда творила их последний раз...

– Едва ли. Когда мы... когда я... в общем, ты выпустила мне вслед целое их облако. Я думал, будет молния.

– Хотела, – фыркнули в ответ. – И следовало бы, по твоим делам.

– Ну, знаешь, мне тогда тоже надоело, что...

Она звонко расхохоталась, откинулась на подушки, звонко хлопнув себя по коленкам.

– Ах, милый мой, милый. В этом ты точно никогда не изменишься. Ты ни за что не уступишь мне в споре. И знаешь что? – Она потянулась к нему. – Мне это нравится. Теперь нравится, я имею в виду.

Он смотрел и улыбался, поддерживая игру. Игрой было всё, от «мне тогда тоже надоело» до «ни за что не уступишь мне». Они оба знали это.

– Почему это? – Ещё было рано заканчивать.

– Дорогой мой, ты можешь Познать Тьму, но женщин ты не познаешь никогда. Даже такую простушку, как та бедная Кера. Огненная Дева, помнишь?

– Гм. – Они оба улыбались. – Ну, помню, помню такую. Но ведь я уже объяснял...

– Да-да. – В васильковых глазах прыгали смешинки. – Я помню. Ты замечательно всё объяснил. Я уяснила – всё огромное значение той стратегической операции, чьё успешное завершение настоятельно требовало присутствия вышеупомянутой Керы в твоей постели... Как же я люблю, когда ты вот так улыбаешься, чуть виновато, – вдруг сообщила она. – И потому я даже не ревную к этой бедной Гелерре, влюблённой в тебя по уши.

– Гелерра? По уши? Ты не понимаешь, она боготворит... то есть любит меня как бога, а вовсе не...

– Дорогой мой, влюблённую в тебя гарпию, или эльфку, или иную смертную, равно как и бессмертную, я различу с первого взгляда и за тысячу шагов, – фыркнула она. – И притом совершенно не прибегая к магии. Достаточно посмотреть, какие взгляды та на меня бросает, когда думает, что я не вижу.

– Сигрлинн. Ну о чём ты? Гелерра – одна из лучших, верна, отважна, знает и чувствует искусство боя...

– О. Прости, – вдруг посерьёзнела она. Улыбки нет, глаза прищурены. – Ты не можешь допустить, чтобы так говорили бы, тем более за спиной, об одной из лучших твоих подмастерьев. И за это я тебя тоже люблю. Ты защищаешь своих. Всегда и от всех... Ой! Так. Ну, пожалуйста, не надо...

– Я не защитил тебя, – его скулы закаменели, брови сдвинулись. – Не защитил.

Она вздохнула, перекатилась к нему поближе, прижалась, потёрлась лбом о лоб.

– Не вини себя, – попросила. – Ты всегда был мужчиной. Настоящим мужчиной. Простым и бесхитростным. А я... я стала врагом. Хотя на самом деле, зная, что не смогу встать рядом с тобой, постаралась, по крайней мере, уберечь от ярости Мерлина и гнева Ямерта. И мне это удалось!

– Неужто я такой бесхитростный? – вздохнул облегчённо он и чуть улыбнулся.

– Ах, Хедин, Познавший Тьму, ну конечно же! Ты составлял многоходовые комбинации, разоблачал происки врагов, однако не смог разгадать даже простейшей из моих задумок.

- Например?

- Да взять хотя бы всю историю с Ночной Империей... Ну, чего ты хмуришься? Мог ведь закончить как Ракот, развоплощённым и на Дне Миров. Мерлин был тогда страшно зол, я даже понять не могла - отчего.

- Наверное, предвидел, чем кончится всё это дело.

- Едва ли, тогда бы он добился изменения Закона о Неубийстве ещё тогда.

- Мерлин, видишь ли, в таком случае наверняка полагал...

Она зажала уши, мотнула головой - локоны вразлёт.

- Не хочу. Не желаю про него. Когда-то я верила, что он прав, а ты нет. И мне до сих пор больно.

Он медленно протянул пальцы - они словно не хотели, боялись распрямляться, будто считая себя недостойными коснуться гладкой, шелковистой её кожи.

- Пусть твоя боль на меня перейдёт, - он наконец притронулся к её плечу. - Знаешь, когда мы с Ракотом хоронили Мерлина в Мельине, к нам явился Спаситель.

- Что-о?! - она рывком села на постели. - Спаситель? Сам? И...

- Спаситель. Сам. И ничего. Благословил могилу и прошёл мимо. Ракот пытался, наверное, Его вызвать, но тот даже не повернулся.

- Я боюсь. - Сигрлинн спрятала лицо в ладонях. - Каждый раз, когда... упоминается этот.

- Я тоже, - вздохнул он, обнимая и привлекая к себе. Как же дивно пахнут её волосы, и как я мог жить без их запаха, без того, чтобы чувствовать, как они скользят и щекочут шею? - А тот случай так и остался загадкой. Чего Он хотел? Для чего появился? Потом, в Эвиале, мы встретились вновь, но там всё вышло

до обидного просто. Ракот схватился с ним, не преуспел, и только потом, когда ударили все вместе...

- Милый мой, - руки обвилились вокруг его шеи, - давай сейчас ни о чём больше не будем, ладно?

- Ладно... - Тепло в груди, тепло и покойно. Несмотря ни на каких Дальних и Спасителей. - Я просто был половиной без тебя.

- Я тоже. И я всегда это знала.

- Даже когда мы, гм, слегка не поняли друг друга в Джибулистане?

- Конечно. Как же могло выйти иначе? - Она потёрлась носом о его ухо. - Но ты должен был сделать шаг.

- Должен был?

- О, о, как бровь-то поднялась! - меж слов проскочила смешинка. - Ты «должен» только одному-единственному... Чуть не сказала «человеку»... Ты должен только самому себе. Друг без друга мы просто шли вниз. Всё глубже и глубже. Всё ближе и ближе к Хаосу, - она содрогнулась, улыбка погасла.

- Ты побывала там, куда мне никогда не добраться... - пробормотал он. Руки его обняли тонкие плечи, прижимая её к себе извечным жестом мужчины, мужа, заступника.

- Когда-нибудь я всё расскажу, как там оно было, - посулила она, глядя в сторону. - Знаешь, как вспомню - а тебя рядом нет, - так пла?чу. Словно брошенная белошвейка.

- Всемогущие Древние, да почему же «белошвейка»?! И с чего ради «брошенная»?!

Уголки её губ слегка дрогнули - в грустной улыбке.

– Обычно героини слезливых девичьих сказок – именно белошвейки. Во скольких мирах побывала, а несчастнее белошвеек никого, наверное, и не найти. Но я тебя туда не пущу. Нечего тебе там делать, милый мой...

– Где? Возле несчастных белошвеек?

Наконец-то улыбнулась по-настоящему. Боль уходила, пряталась где-то в глубине души; но оттуда я её изгоню всё равно, пообещал сам себе Познавший Тьму. Рано или поздно.

– Возле белошвеек тем более нечего! Нет, дорогой мой Хедин, Новый Бог и всё прочее, умирать я тебе не позволю. Хватит того, что умирала я.

– Хорошо-хорошо. Давай тогда просто ничего не говорить?

– Я всё ждала, когда ты, наконец, предложишь, – глаза её лукаво сощурились – за миг до того, чтобы закрыться, когда они оба забылись в поцелуе.

* * *

– Никогда не понимала, как ты вообще жил без меня, – фыркнула Сигрлинн. Скрестив руки на груди, она стояла возле узкого стрельчатого окна парящего замка. – У тебя же тут даже кухни считай что и нету!

– Уж не решила ли ты взяться за стряпню?

– Когда-то я это делала неплохо! – отрезала Сигрлинн, окидывая суровым взглядом пустой покой, где не было ничего, кроме нескольких грубо сколоченных столов да огромного очага с вертелами.

– Ну... да, – признался Хедин. – Но, знаешь ли, положение Бога всё-таки имеет свои преимущества.

– Какие это? Птицы небесные в клювах своих доставляют тебе амброзию и нектар?

- Эээ... ннет. Обычно у меня кашеварят гномы.

- Что-о?! Гномы? И ты ешь их стряпню?

- Чем она тебе не угодила? Еда простая, без изысков, но вполне. Пиво, опять же.

- И гномояд!

- О, и ты о нём слышана? Да, гномояд. Но пропустить стопку для аппетита...

Сигрлинн в шутливом ужасе зажала уши.

- Слышать ничего этого не хочу! Помню, у тебя... всё поустроеннее было.

- Там эльфы старались, - вздохнул Познавший Тьму. - Как им откажешь?

- Главное, чтобы ты не «не отказывал» бы эльфкам, - засмеялась она. - А здешними делами я займусь. У нас ведь это в крови.

- Что именно?

- Наводить порядок! И не закидывать в рот на бегу чего попало.

- Си, видишь ли, просто это тело, как ты знаешь...

- Знаю. Но раз уж мы сохранили, гм, удовольствия одного сорта, почему бы не сохранить и другие?

- Это тебе Ракоту надо сказать.

- Ну да. И он, войдя в роль варвара, будет жарить над огнём кабанью ногу, насадив на собственный меч!

- А как надо? - робко осведомился Познавший Тьму.

– Скоро узнаешь! – грозно пообещала Сигрлинн.

– Мне уже страшно, – улыбнулся он.

– Истинная волшебница на кухне – это да, это страшно. Или... постой. А кто я сейчас вообще?

– То есть как? Ты – это ты. Сигрлинн. Моя Сигрлинн.

– Верно. Но не только. Кто я, Хедин? Нашего Поколения больше нет, следовательно, я не Истинный Маг. Меня не избирало Упорядоченное, со мной не говорил Дух Познания, следовательно, я и не Новая Богиня. Кто же я тогда, Хедин? Я, дважды вырывавшаяся из смертных теней? Западная Тьма? Прекрасная Дама?

Он остановился, потёр лоб. Помолчал.

– Трудно ответить, не правда ли? – Она смотрела ему прямо в глаза. – Да, никто не может отобрать у меня пройденное посвящение. Но нет ни Столпа Титанов, ни Молодых Богов. Нет и следующего Поколения. Истинные Маги пали, Хедин. Вернее, ты уничтожил их.

– Я...

– Разве я сказала, что ты был не прав? Прав, стократно. И я жалею лишь о том, что не могла тогда сражаться вместе с тобой.

– Ты – Сигрлинн. Единственная и неповторимая.

– Что неповторимая, я знаю и так. Насчёт единственной не столь уверена. Всякие там Огненные Девы...

– Забудь о них. Серьёзно.

– Постараюсь, – фыркнула она. – Но дело не в этом. После того как мне удалось вырваться и я обрела себя, я так и не могу понять, кто же я. Кроме того, что я – твоя жена.

Познавший Тьму улыбнулся.

– Это самое главное.

– Разумеется! – отмахнулась она, но улыбку спрятать всё равно не успела. – Помнишь, когда-то мы заставляли весь мир проворачиваться вокруг нас?

– Конечно.

– А теперь мне это просто не нужно. Магия течёт сквозь Упорядоченное, и стоит только протянуть руку... Что это, Хедин?

– Мир мы по-прежнему можем повернуть. – Он смотрел на неё и действительно «не мог наглядеться». – На самом деле Истинные Маги всегда обращались именно к этим потокам. Просто не всегда сами об этом знали. «Поворот мира» – создание местного возмущения в магии, с тем чтобы...

– Узнаю Познавшего Тьму, – усмехнулась она. – Сейчас мы увязнем в головоломных магических формулах и схемах...

– Когда-то ты составляла их куда ловчее меня.

– Именно, мой дорогой. Вот потому-то я тебя и допрашиваю с пристрастием – кто я сейчас? Про Весы я уже наслушалась и теперь хочу знать – кто я на этих Весах?

– Ты умеешь задавать вопросы, Сигрлинн.

– Несомненно! – заявила она. Роскошные волосы воспарили над плечами, словно огненная аура. – Умею. И ещё очень хотела бы получить на них ответы.

– Я... постараюсь. Но для этого, боюсь, нам придётся обойти все три Источника. Начиная с Кипящего Котла и заканчивая Урдом.

– Что ж, если у тебя нету более срочных дел...

– Сигрлинн!

– Шучу, – улыбнулась она. – Я знаю, милый. Кристалл Эйвилль. След Дальних. Спаситель. Быкоглавцы и прочие слуги... то ли Дальних, то ли Падших. Война. Которая, если мне не изменяет память, «есть вершина человеческого духа и судьбы».

– Надо же. Ты и это помнишь...

– Разумеется. Такое разве забудешь!

– Я же знаю, ты не сердишься по-настоящему.

– На тебя? Я никогда не сердилась на тебя «по-настоящему». Обижалась, да. Плакала – подобно брошенной белошвейке – тоже да. Но не «сердилась». А война... я понимаю, что она идёт. И если ты запомнил, я хотела бы... подставить плечо. Думаю, если как следует постараться, где-нибудь в Хьёрварде ещё можно отыскать тех, кто хранит наследие Ночных Всадниц.

– А как же Орден Прекрасной Дамы?

Сигрлинн опустила глаза, лицо её потемнело.

– Они погибли.

– Все? Без исключения? Не осталось ни единого?

– Остались... – нехотя призналась она. – Старые рыцари, совсем молодые оруженосцы... Крепость осталась тоже, книгохранилища...

– Но?

– Но это уже не есть недостижимый идеал, – покраснела Сигрлинн. – Вот она я. Воплотившаяся. А воплощение не может совпадать с идеалом.

Познавший Тьму уже было открыл рот, готовясь заговорить, – и осёкся. Потому что слова, что вот-вот сорвались бы с его губ, достойны были именно Познавшего Тьму, но никак не Хедина, Нового Бога, обретшего Сигрлинн.

- Но ты не можешь их бросить, – наконец выдавил он. – Они...

- Да. Да. Я знаю. Умерли за меня. И их лица мне снятся каждую ночь. Наверное, из меня никогда не выйдет богини – боги, они ведь обязаны снисходительно принимать жертвы... черпать в этом силу...

- Если это потребуется Упорядоченному – станешь и богиней, – медленно проговорил Хедин. – Ты ведь знаешь, что в Хьёрварде живут и здравствуют наши с Ракотом культы? Что хватает тех, кто нам поклоняется? Народная вера, кто бы мог подумать... наши, гм, подвиги не оказались забыты.

- Вот как? – подняла бровь Сигрлинн. – И что же, это распространилось? Ты снисходишь в свои храмы, принимаешь жертвы?

- Не смейся. Бог, зависимый от веры смертных в него, уязвим.

- Но Бог и не может оставить собственных последователей, верящих в него, на произвол судьбы.

- Не может, – вздохнул Хедин. – Мы и стараемся... потихоньку направлять. Чтобы без пережиданий. Но жрецы всё равно молятся, стараются, как они говорят, «познать волю Познавшего». Народ-то просто верит, как верил и в Древних Богов, а вот жречество... Могут далеко зайти.

- Куда, интересно знать? И что ты с ними вообще делаешь? «Потихоньку направлять» – это как?

Хедин едва заметно усмехнулся.

- Жрецы всегда жрецы, – посетовал. – Все тщатся учить народ, который у них всегда «тёмный». Вот и учат.

- Грамоте?

- Грамота пахарям как раз не нужна, ибо от неё случается смущение простых, неискушённых умов и отпадение от праведного пути.

– Смеёшься?

– Немного. Ибо, по мнению тех же жрецов, именно я, недостойный, сотворил землю, небо и море. А также населил их всеми, кто там обитает.

– Поздравляю, мой Хедин. Ты теперь там наравне с Творцом. А как же при этом Ракот?

– Ну, как же. Ракот есть мой непутёвый младший брат, помогал во всём, но не везде получалось, оттого-то мир несовершенен в отличие от сотворившего его.

– Вот так так! А как же жрецы Ракота? Терпят?

Хедин усмехнулся.

– Считают жрецов Познавшего, эээ, слишком задравшими нос и ушедшими в неведомые выси. Мол, по земле забыли, как ходить. Ну, а последние, в свою очередь, считают жрецов Восставшего не шибко умными вояками, которым лишь бы подраться.

– Не могу сказать, что мне это бы очень нравилось, мой Хедин.

– Не волнуйся. Мы их сдержим. А что у них что-то вроде состязания – так оно и к лучшему. Кровь не застаивается от осознания собственного величия. Так что...

– Хорошо, что так уверен, – хмыкнула Сигрлинн. – Не хватало только вашим с Ракотом последователям устроить бойню...

Хедин вздохнул.

– Не устроят, Си. Не дадим.

– И что же, это теперь новая догма – что Хедин, Познавший Тьму, сотворил также всё сущее?

– Есть такое. Хотя нашлись некоторые жрецы, кто в это не верит.

– Неужели?

– Да, есть там такие, особо умные, среди тех же жрецов. Мол, великий Хедин оттого и велик, что неведом, и нам предстоит пройти огромный путь, его познавая.

– Познать волю Познавшего? Это их слова?

Хедин кивнул.

– Вот они-то и могут далеко зайти. Познание Познавшего – удел избранных, для кого не писан закон, вернее, кто сам его устанавливает, а все прочие должны верить в сотворившего всё и вся великого Хедина и дотошно исполнять правила.

Сигрлинн покачала головой.

– В Восточном Хьёрварде всегда жил лихой народ. Уж что-что, а с исполнением правил у них всегда дело обстояло скверно. Ни за что не поверю, чтобы дружины свободных танов почитали бы что-то, кроме лишь силы да боевой удачи.

– Хватает и иных, – вздохнул Хедин. – В общем, эти-то жрецы, что тщатся меня «познать», – кто знает, до чего «дознаются»? Опасно оставлять их на произвол судьбы, наши дорогие друзья Дальние или недобитки-подручные Хаоса могут... подсунуть чего не нужно. Правда, с поклоняющимися Спасителю они не ладят, что уже неплохо. Я, во всяком случае, миры разрушать не собираюсь. И собирать все души мира, словно косарь на лугу, тоже.

– Интересно, – задумчиво проронила Сигрлинн. – А что они могут познать в тебе? И как? Визионерство?

Хедин кивнул.

– Насколько я понял, да. Визионерство.

– А твои собственные последователи? Гелерра и другие? Они тоже поклоняются и «познают»?

– Они не поклоняются. Насчёт «познают» – не уверен. По большей части – возглашают мне хвалы. – Хедин опустил голову. – Благодарят.

– Что же тут плохого? – удивилась Сигрлинн. – Ты дал им всё. Новую жизнь. Свободу. Открыл для них Упорядоченное, их собственные таланты. Они о таком даже и помыслить не могли!.. И что же, ты запрещаешь?

– Нет. Делаю вид, что не замечаю. Свобода воли есть свобода воли, запретить нельзя. Можно только учить, чтобы они видели б больше и больше понимали.

– И они станут благодарить тебя и возносить хвалы с ещё большим старанием. Смертным пусто и страшно без Богов, мой Хедин.

– Смертные способны сами становиться Богами, Си, ты знаешь это не хуже меня.

– Способны. Но не исключительно своей волей. Даже Истинный Маг сделался Новым Богом лишь потому, что так решило Упорядоченное, – не в этом ли ты меня убеждал?

– Убеждал... Но что с того, Сигрлинн?

– То, что я бы не считала это чем-то скверным, мой Хедин. Искренние благодарность и признательность дорого стоят, поверь. Уж ято убедилась в этом на собственной шкуре. Как вспомню последний бой Ордена, так реву. Навзрыд. Потому что они погибли ради меня – и были при этом счастливы. И всего моего «понимания» с «осознанием» не хватает, чтобы не плакать.

Он подсел к ней, обнял за плечи, и она немедля уткнулась лбом ему в висок.

– Я принимаю это, Си. И тебе придётся принять тоже, если Сигрлинн Великолепной станут поклоняться не только рыцари Ордена Прекрасной Дамы. Мы с Ракотом в своё время тоже не выбирали.

– Не выбирали, – эхом откликнулась она. – Что ж, пока кухня не готова и пока я – непонятно кто, расскажи, кто и где сейчас воюет...

* * *

– Значит, война. – Сигрлинн откинулась в кресле, глядя на плавающую в воздухе многоцветную карту. Огоньки миров, синие, голубые, зелёные, небольшая часть отмечена алым. Некоторые из огоньков соединены подрагивающими тонкими линиями, возле иных разлились кляксы чернильной темноты, три окружены танцующими языками пламени.

И возле самого низа – колышущаяся серая завеса, то вздымающаяся, то опадающая.

– Красиво... – тихо проговорила Сигрлинн. – Даже граница с Неназываемым – и та красива. Ты это специально, Хедин, чтобы не так страшно было?

– Не специально. – Познавший Тьму почти утонул во мраке, стоя возле высокого, тщательно занавешенного стрельчатого окна. – Само получилось.

– Само ничего не получается. – Сигрлинн не отрывалась от причудливой картины подмигивающих огоньков. – Объясняй уж, стратег. Потом займёмся тем, кто я такая.

– Где огонь – там встречный бой. Туда ворвались козлоногие, но это самое простое. Ракот со своими справится. Он ведь возрождает свои легионы, представляешь?

– Постой... Те самые? Тёмные Легионы с большой буквы, с которыми осаждал Обетованное? Демонов? Или монстров, что я видела ещё при Хединсее?

– Именно, – кивнул Хедин. Вздохнул. – Те самые, Си. И монстров, и демонов. Объяснял, что, мол, лучше уж вести в бой чудовищ, чем смертных. Мол, он, Ракот, их один раз уже подвёл и больше не хочет.

– А ты? Ты, Познавший Тьму? Что Она говорит об этом?

– Тьма молчит, Сигрлинн. И всегда молчала. Не Её это дело – говорить. Говорунов и без Неё хватает.

Сигрлинн молча кивнула.

– Прости, я перебиваю. Но я, – она покрутила пальцем в воздухе, – так привыкла в Западной Тьме воевать совсем по-другому...

– Здесь нет тех, кого требуется обмануть, Сигрлинн. Неназываемого не взять никакими военными хитростями.

– Но его не взять и грубой силой, Хедин. Его не победить.

Познавший Тьму кивнул.

– Мы можем только сдерживать его. Долго, очень долго Упорядоченное прикрывал тот самый барьер постоянно творимой пустоты, от всех трёх Источников. Мы скармливали Неназываемому девственное пространство, скармливали с той же скоростью, с какой он пожирал его, и нам казалось, что так пребудет вечно.

– Но равновесие нарушилось, – понимающе кивнула Сигрлинн. – Потому что даже пустую пустоту, прости за такое выражение, надо откуда-то брать. Три Источника очень, очень могущественны, однако и они ограничены, как небеспредельно само Упорядоченное.

– Именно, – кивнул Хедин.

Сигрлинн закинула руки за голову, гибко потянулась, выгибая спину, и Познавший Тьму осёкся. Вот так бы смотрел на неё и смотрел, потому что она – это она, и только друг с другом мы находим полноту и завершённость самих себя.

– Мне приятно, когда ты на меня так смотришь, – промурлыкала Сигрлинн, улыбаясь.

– Сигрлинн... но мы же действительно рождены Истинными Магами. Не людьми, не эльфами или кем-то ещё. Истинными Магами. Существами без...

– Без пола? – хитро сощурилась она. – Нет, Хедин. Всё создаваемое Упорядоченным полярно. Всё имеет свою противоположность. Ты сам это знаешь не хуже меня. Вот и мы, Истинные, – мы изначально делились на две группы. Разве не так?

– Симметрия не всеобща, – покачал головой Познавший Тьму. – Симметрия и равновесие – смерть движению. Недаром источников три, а не два. И не четыре.

– Может, мы просто не нашли четвёртый? Задумывался ли ты об этом, Познавший Тьму?

– Когда ты так на меня смотришь, у меня пропадают куда-то все умные ответы.

– Знаешь, меня это очень радует, – совершенно серьёзным тоном сообщила Сигрлинн. – Но мы сбились. Так что, значит, с новосотворённой пустотой? Порождаемой тремя известными нам источниками?

Она не просто красива, думал Хедин. А может, как раз наоборот, «просто красива». Та единственная простота, к которой я шёл все зоны, подобно простому смертному не подозревая, где она скрыта.

– Неназываемый очень медленно, но отодвигал границу всё дальше и дальше, – признался Хедин. – Особенно когда стал пробивать себе путь с помощью козлоногих и крушить мир за миром не хуже Спасителя.

– И дать ему уйти нельзя... – задумчиво протянула Сигрлинн, вновь вглядываясь в прихотливую игру огоньков.

– Нельзя, – вздохнул Хедин. – Хотя это стало бы наилучшим выходом.

– Но, может, вы с Работом ошиблись? Может, Неназываемый и впрямь просто покинет Упорядоченное и мы заживём спокойно?

– Сомневаешься – проверь, – буркнул Познавший Тьму, отворачиваясь, словно обидевшийся мальчишка.

– Не дуйся, – жалобно попросила она. – Кто может ручаться за полную и совершенную точность такого расчёта? Четырёхглазый? Но и он ни разу не сталкивался с подобным. И все накопленные им знания тут бесполезны.

– Что ты говоришь, постой, ведь если есть риск – а он есть, – то допустить подобное...

Она вздохнула.

– Я не спорю с тобой, милый мой, дорогой мой Хедин. Я чувствую расплзающуюся язву, поверь мне. Наверняка не столь остро, как ты, но тоже чувствую.

Хедин кивнул.

– Именно что расплзающуюся. Медленно по меркам Упорядоченного; но всё равно расплзающуюся. А ведь есть ещё и неизвестные Дальние... с которыми ты, если мне не изменяет память, тоже что-то не поделила ещё в те незапамятные времена.

– О! – По её лицу пробежала тень, меж выгнутых бровей залегла морщинка. – Дальние... вот уж от кого мне всегда становилось не по себе. Зачем они? Для чего они? В чём их суть и в чём их роль?

– И ты для этого решила повоевать с ними? – поддел он.

Сигрлинн усмехнулась, но улыбка почти тотчас погасла, она зябко обхватила руками плечи.

– Тогда они чудились мне везде. Их монастыри... Зелёные кристаллы... Чудовища, подчиняющиеся их приказам... И они сами, невидимые, никогда не вступающие в открытый бой...

– Последнее, что создал Творец, – как они сами отрекомендовались.

- Самомнения им не занимать. - Сигрлинн пожала плечами.

- Так почему вы с ними задрались?

- Им чем-то помешали мои Ночные Всадницы, - отвернулась она.

- Не хочешь отвечать?

- Нет, что ты, - улыбка у неё вышла смущённой и немного виноватой. - Я просто решила, что справлюсь со всем сама. Дальние встали у меня на пути и... оказалось, что так просто их не убрать и не смахнуть. Я тоже была горда, очень горда. Обращаться за помощью к Совету Поколения? Расписаться в собственном бессилии? Кланяться Макрану и Эстери? Никогда.

- Всё настолько просто?

- Ты разочарован, друг мой?

- Немного.

- У меня, конечно же, был план. - Она улыбнулась каким-то давним, глубинным воспоминаниям. - Никто не обращает внимания на Дальних, ну, может, разве что Мерлин, однако о своих изысканиях Совет в известность не ставит. А они копошатся себе, возводят монастыри тут и там, собирают сторонников... Поколению же словно всё равно. Интриги, свои собственные ученики, свои собственные войны... И я взялась за дело, Хедин. Донельзя самоуверенная, без тени сомнений. Особенно... - она вдруг осеклась, виновато взглянула на Познавшего Тьму.

- Договаривай.

- Особенно после победы над Ночной Империей.

- Я не обижусь. - Он сел в соседнее кресло, коснулся кончиками пальцев её обтянутого шёлком плеча. - Ты победила тогда. Это правда. Но что же дальше?

– Дальше ты, в общем, знаешь, – покачала головой Сигрлинн. – Дальним чем-то помешали мои ученицы. Ночные Всадницы. Двоих похитили. Нам удавалось отбить лишь растерзанные, обезображенные тела. Оставшиеся в ответ схватились с адептами Дальних. Началась резня.

– Так-таки и резня?

– Во всяком случае, пощады никто не просил, – Сигрлинн резко поднялась. – Я тоже вмешалась. Честно говоря, это ты меня надоумил, – она ухмыльнулась, поворачиваясь и нацеливаясь указательным пальцем прямо в грудь Познавшего Тьму. – С твоей апологетикой войны как вершины духа и всё такое прочее.

– Это ведь случилось несколько позже, разве не так?

– Сказал ты эти слова мне несколько позже, верно, но нужно совершенно тебя не знать, чтобы о подобном не догадываться. Ты ведь всегда воевал, милый мой Хедин. И твои ученики воевали тоже. Да и сейчас – разве мирной жизнью живут твои подмастерья? Нет, из огня да в полымя, со сковороды на вертел... Но мы с тобой всё-таки ужасно прыгаем. С темы на тему, с военной карты – к Неназываемому и трём Источникам, оттуда – ко мне и Дальним...

– Ты вспомни. Разве не всегда у нас так бывало? Встречались в Джибулистане, в Голубом Городе, хватали друг друга за руки, пили горящую воду и говорили, говорили, говорили, пока звёзды не померкнут...

– Ага... – Она мечтательно прикрыла глаза. – Говорили. Про всё на свете, про новый уголок Упорядоченного, про редкую книгу, про таинственные письма и поверья, про Древних Богов и Богов Молодых, обо всём... Великие небеса, Хедин, мы же тогда просто не отрывались друг от друга... Разговоры-разговоры, а потом ты на меня набрасывался и принимался целовать или хватал за коленку, словно последний мужлан в трактире...

Её глаза смеялись, и по углам картографического покоя танцевали озорные радужные искры.

– А ты делала страшное лицо, шлёпала меня по ладони и взвивалась к небу золотым вихрем...

– А ты гнался за мною, как это говорится, «чёрным ужасом на крыльях ночи, и кровавокрасный плащ трепетал за твоими плечами»...

– Кровавокрасный плащ – это к Ракоту, он его носит, не снимая, уже невесть сколько эонов... А я просто нагонял туч и мчался следом, собирая все ветра, какие только мог...

– А я потом...

Они застыли посреди комнаты, обнявшись.

– А я потом, – шепнули её губы ему в самое ухо, – помирала от счастья. Потому что ты помирал от того же, и я это читала и сама...

...Они насилу оторвались друг от друга. Слишком долго порознь. Слишком много несказанного и несотворённого вместе – однако даже Новый Бог понимал, что время стремительно ускользает, уходит по капле, что Великая Река неумолимо влечёт их двоих к бурным порогам, за которыми лишь серый непроглядный туман.

Хотя, конечно, заманчиво было бы уйти хоть ненадолго туда, где время течёт быстро, в Обетованном – день, а там – целый год...

– Вернёмся к карте, – кашлянула Сигрлинн, поправляя волосы. Ей ничего не стоило заставить их принять любой облик одной лишь магией, но какие-то жесты, наверное, вплавлены глубже, чем любое заклятие.

– Вернёмся, – вздохнул Познавший Тьму и повёл рукой вдоль вздымающейся и опадающей, словно грудь тяжело дышащего исполина, серой границы. – Неназываемый наступает. Его логово пухнет, увеличивается, растёт. Медленно, но растёт.

– А где этот его Путь? – Сигрлинн медленно шла среди плавающих в воздухе огоньков, касаясь их кончиками пальцев. – Его ведь нельзя начертать, верно?

– На этой карте – нет, нельзя, – покачал головой Хедин. – Как нельзя начертить русло Реки Времени. И, конечно, эти огоньки – лишь малая толика миров,

близких к границе. Я показал лишь важное. Путь пролегает частенько сквозь складки Межреальности, те самые, где, как говорится, «пространство сходит с ума» и где даже мы, Боги Равновесия, бессильны. Там, правда, никого и ничего нет, кроме искажённого, изломанного сущего.

– Ой ли? – сощурилась она. – Вот так всегда думаешь, мол, никого там нет – а кто-нибудь да найдётся!

– Не найдётся, – покачал головой Хедин. – Мы пытались. Во всяком случае, Путь у Неназываемого выходит рваный и ломаный.

– Но всё-таки часть его нам доступна? – настаивала Сигрлинн. – Что если по нему ударить?

– Мы думали об этом. Но дело в том, что сам по себе Путь никому вреда не причиняет. Причиняли и причиняют козлоногие, возводя его. Поскольку им, как оказалось, требуется нечто вроде Магии Крови, то есть колоссальные жертвоприношения, разрушение целых миров, высасывание их досуха, чтобы возвести очередную лигу.

– А если ты разрушишь уже ими отстроенное? Возвращаться тогда придётся, а мировто подходящих поблизости уже не сыскать!

– И об этом мы думали. Впрочем, не только думали, но и делали. Мы вообще старались выводить смертных из тех миров, где точно не смогли бы удержаться – и куда успевали им на помощь, – Хедин совсем помрачнел и отвернулся. – Но ты даже не спросила, что такое сам Путь.

– Я догадываюсь, – Сигрлинн неожиданно зябко обхватила себя за плечи. – Западная Тьма, как ты помнишь, состояла не только из меня и брандейцев.

– И об этом мне тоже надо тебя спросить, Си.

– Спросишь, – посулила она. – Но dokonчим сперва с войной. Что вот это там такое, горящее? Где пламя?

– Три мира. Ничем друг с другом не соединены, они даже не рядом. Два мира совершенно обычны, третий – с особым сродством к магии.

Сигрлинн кивнула.

– Это где без чародейства нельзя даже дышать? Где выжили одни лишь природные волшебники?

Хедин кивнул.

– Твои подмастерья, наверное, все оттуда? Я имею в виду – из подобных миров?

– Нет. Выросшие там не способны научиться ничему новому. Для них магия и в самом деле – как дыхание. Обычный человек сможет дышать чаще или глубже, может затаить дыхание – но огонь он не выдохнет, как бы ни старался. Так и здесь. Преподавать тамошним какие-то иные заклятия – вообще любые заклятия! – нет никакого смысла.

– Вижу, ты пытался, и не раз, – проницательно заметила Сигрлинн. – У тебя взгляд разочарованный до сих пор, стоило тебе об этом вспомнить.

– Именно что... Пытался. Потом бросил.

– Так что же, там сейчас война, в этих трёх мирах?

– Война, Си. Козлоногие напирают. Через лжепророков создаются жуткие предсказания, которые потом оправдываются.

– Но что же твои подмастерья?

Хедин досадливо потупился.

– Не люблю это их прозвище. Сам когда-то придумал, казалось, мол, чего тут такого, подмастерья – они подмастерья и есть. А вот потом как-то стало коробить. Слово не могу дать им всего, чего они достойны.

Сигрлинн легонько вздохнула.

– Понимаю. Ученики, которые не Ученики. Без Зерна Судьбы. Но это едва ли справедливо, мой Хедин. Они пошли за тобой, и они счастливы. Ведь верно?

Он кивнул.

– Да. Они – те, кто пошёл за мной, кто поверил в меня, кто помогает мне. Соратники, но... не Ученики.

– Чем они отличаются от тех, кто создавал Ночную Империю? От тех, кто управлял ею? Кроме Зерна Судьбы?

– Тебе ли спрашивать такое? – удивился Познавший Тьму. – Тебе ли, имевшей многих настоящих учениц, не знать, какую связь меж Истинным Магом и его Учеником рождает принятие такого Зерна?

– Я знаю, Хедин, милый мой. Я знаю. Но кроме этого? Что ещё?

– Их много, – отвернулся он. – Полки. Настоящее воинство. Ученики... их чувствуешь. Они часть тебя, как был частью меня Хаген.

– Прости, – тихонько сказала Сигрлинн. – Я знаю, ты их любишь. И страдаешь, что не можешь дать им того, что давал тому же Хагену и другим, до него. Ох, мы опять о чём-то другом...

– Да, они сражаются во всех трёх мирах, – мрачно сказал Познавший Тьму. – Почти все. Кроме Гелерры, Ульвейна с Аррисом и Арбаза. Эти со своими защищают Хьёрвард. Туда прорываются быкоглавцы, а за ними мне чудятся Дальние.

– Чем я могу помочь? – в лоб спросила Сигрлинн. – Отправлюсь куда скажешь. Могу возглавить...

– Стой, стой, стой, – Хедин поднял руку. На висках его проступил пот. – Зачем тебе туда? Зачем в бой?

– Разве ты забыл? Я буду горда и счастлива, если мне удастся сразиться плечом к плечу с тобой.

– Закон Равновесия... – начал было Познавший Тьму, но Сигрлинн только поморщилась.

– Закон – это для вас с Ракотом. Вы Боги, и Сущее надело на вас эти вериги. А я? Я никто. Или, вернее, я невеста кто, мы это уже обсуждали.

– Неважно, – покачал он головой. – Для Весов твой статус вторичен. Если в рядах моих... моих полков появится некто с твоей силой, равновесие пошатнётся.

– И что тогда?

– Что тогда? Откуда ни возьмись вынырнет какой-нибудь адепт Хаоса, или слуга Неназываемого, или просто безумный маг – если не местный божок – поистине ужасающей силы. Чтобы справиться с ним, нужно или вмешательство нас с Ракотом, или целый полк моих... моих... детей, – наконец нашёлся он.

– Детей... – с непонятной горькой улыбкой покачала головой Сигрлинн. – Ну, пусть детей. То есть маятник начнёт раскачиваться, придётся прибегать ко всё большей и большей силе... верно?

Он кивнул.

– Поэтому проще, лучше... милосерднее оказалось подобное побеждать подобным. Было у нас такое – мятеж, большой мятеж, его в разных хрониках прозвали «восстанием Безумных Богов». Подавлять его пришлось магам, обычным магам из смертных. Они справились. А вот когда мы с Ракотом вмешивались напрямую... хорошо, когда дело заканчивалось только открытием порталов из гибнущих миров.

– Ого, – Сигрлинн задумалась, чуть прикусила губу, словно девчонка-школьница.

– Ты была права со своим Орденом. Нам лучше всего действовать именно так. Руками других, как бы постыдно это ни звучало.

– Вот потому-то Ракот так и любит оборачиваться варваром, сознательно отказываясь от громадной части собственных сил?

Хедин вновь кивнул.

– Говорит, что не в силах сидеть сиднем, пока другие умирают. Берёт меч, оборачивает плечи шкурой и...

– Его непременно следует познакомить с какой-нибудь из Огненных Дев, – с невинно-озабоченным видом бросила Сигрлинн. – Почему он до сих пор один? И что же, он так и оставался одинок всё это время?

– Предлагаешь посплетничать? – усмехнулся Познавший Тьму.

– В своё время Поколение только этим и занималось, – хохотнула она.

– Я не спрашивал, как ты понимаешь. А сам он не рассказывал.

– Потому что небось голубоглазый и черноволосый великан-варвар заводил себе по целому сонму возлюбленных в каждом мире, где только его угораздило очутиться.

– Ну и что, Сигрлинн?

– Это его слабость, милый. А любую нашу слабость может использовать враг. Поверь женщине... Так, значит, мне на войну решительно нельзя?

– Я и сам сию тут, как ты видишь, – развёл он руками. – Хотя больше всего хотел бы оказаться именно там. И совсем недавно пришлось... нарвавшись в итоге на Игнациуса.

– Богам Равновесия приходится встречать подобное подобным... – задумчиво проговорила Сигрлинн, осторожно касаясь охваченного холодным пламенем огонька, изображавшего подвергшийся нашествию мир. – Посылать в бой армии, самим сидя в укрытии, в безопасном месте... Как-то это не по-твоему, Хедин, друг мой.

– Это справедливо, – сказал он. Получившаяся улыбка вышла очень невесёлой. – Боги не могут по мановению руки установить царство всеобщего добра и изобилия. Наверное, будь я Творцом, я постарался бы...

– Не говори так, – она вдруг с испугом подалась к нему, прижимая ладонь к его губам. – Не сравнивай себя с несравнимым.

– Что ты? – удивился Хедин. – Фигура речи, не более того...

– Я не верю в «фигуры», – заупрямилась Сигрлинн. – Обещай, что больше так не будешь! Пожалуйста. Ради меня. Ну, видишь, я использовала все несокрушимые женские аргументы. Обещай, а?

– Обещаю. – Он взял её руки в свои. – А ты обещай беречь себя и не лезть на рожон. Обещай не геройствовать. Пожалуйста. Ради меня.

– Обещаю, – она улыбнулась. – Это нетрудно будет сделать, если мы засядем с тобой в этом замке, словно пленники...

– Мы не засядем, – посулил Хедин. – Впервых, покажу тебе моих... – он чуть запнулся, совсем-совсем чуть-чуть.

– Моих последователей, – тотчас подсказала Сигрлинн. – Моих сторонников. «Детей» – это всё-таки слишком уж сильное слово.

– Да, – кивнул Хедин. – Посмотришь, как они тут устроились. Потом – если не случится ничего срочного в тех трёх мирах или во Хьёрварде – отправимся к Источникам. Сперва, наверное, к Урду, он ведь ближе всего?

Она кивнула.

– Урд... давненько я там не бывала. И на твоих подопечных тоже погляжу. Небось ты им даже города не построил?

– Они обосновались в Обетованном. Ну и я с ними.

– И прекрасно. Твоё пристрастие к летающим крепостям... – она засмеялась.

- Что с ним не так?

- Оно на самом деле мне очень нравится. Серьёзно! Но лучше всего, наверное, всё-таки оставаться там, среди тех, кто верит тебе и идёт за тобой. У тебя ведь есть где преклонить голову в Обетованном? Это нужно твоим соратникам, не тебе, я понимаю. Позволь мне взглянуть, быть может, смогу им чем-то помочь.

Он кивнул.

- И не забудь о своём Ордене также.

Сигрлинн тяжело и виновато вздохнула.

- Не забуду... хотя ума не приложу, как говорить с оставшимися.

- Честно, как и всегда.

- ...Сказал хитроумный Хедин, - поддела она. - Значит, заканчивая со всем этим, - она обвела рукой многочисленные огоньки, - кроме вторгшихся козлоногих, а в Хьёрварде ещё и быкоглавцев, повсюду тишь, гладь и сплошная благодать?

- Не сказал бы, что благодать, но по сравнению с теми мирами, куда прорвались козлоногие...

- Погоди, - вдруг остановила она его. - Козлоногие. Что останавливает вас с Работом от того, чтобы смести их с лица Упорядоченного? Разве Закон Равновесия распространяется на них?

- Он распространяется на всё, Сигрлинн.

- Это несправедливо! - возмутилась она. - Эти твари - не от нашего Упорядоченного. Творец не создавал их. Наши уложения - не про них!

– Твоими б устами да мёд пить, – досадливо бросил Хедин. – Мы тоже так думали. Оказалось, что ошибаемся. Всё в Упорядоченном подчинено Закону Равновесия, Сигрлинн. Великие Весы всеобщи. И получается, что вся божественность наша, – губы Познавшего Тьму скривились горькой усмешкой, – вся наша божественность годится лишь командовать из задних рядов, направлять усилия других, подсказывать, учить, лечить...

– А ты предпочёл бы по старинке кидаться огнешарами?

– Ну почему же так сразу и огнешарами? Есть масса куда более элегантных заклятий. Как сейчас помню, струны Арфы Ночи...

– Постой, – Сигрлинн вскинула ладонь, словно кинжал. – Но разве не в этом истинная божественность? Чем занимались Древние Боги, пока не настал день Боргильдовой Битвы?

– Старый Хрофт так очень даже сражался... – отвернулся Хедин.

Сигрлинн осторожно обошла его кругом, положила обе ладони ему на грудь, приблизила лицо.

– Тебе кажется, ты делаешь недостаточно. Верно, милый? Я же помню этот твой взгляд ещё по Голубому Городу.

– Недостаточно, – он накрыл её пальцы своими. – Если бы мы с Работом делали достаточно, обитатели Упорядоченного жили бы куда спокойнее. Мне не потребовались бы, – он вновь сделал усилие, – мне не потребовались бы сторонники. Спокойно занимался бы теоретической магией...

– Не хитри, – сощурилась Сигрлинн, высвобождаясь и грозя ему пальцем. – Никакая теоретическая магия не удержала бы тебя надолго. Препятствие, Хедин! Преграда! Вот что тебе нужно, и чем неодолимее, тем лучше. Ты бы не усидел.

– Какая разница, – вздохнул Познавший Тьму. – Усидел бы, не усидел... и рад бы сейчас корпеть над книгами, да куда там! Потому что кроме козлоногих, кроме всяких спятивших чародеев или божков, кроме всяких бед обычных – есть ещё

Спаситель.

Наступило молчание. Прикусив губу, безмолвствовала и Сигрлинн, и даже огоньки засвеченной Хедином карты стали гореть как-то тусклее, словно подёрнувшись дымкой.

– Спаситель... – наконец прошептала она. – Я ещё спрошу тебя о нём. Но не сейчас, милый. Пойдём, пожалуйста. Надо ж ещё добраться, а я хочу как следует разглядеть Обетованное. И постоять возле Урда.

Хедин молча обнял её за плечи, одним движением заставив огоньки погаснуть. Последними исчезли три самых ярких, окутанных пламенем – там, где подмастерья Познавшего Тьму удерживали армады козлоногих.

Глава II

Клара Хюммель-Стайн, Сфайрат, Ирма

Небо ярко и дивно, опрокинутая чаша бездонного хрусталя. Светило в зените, лишь слегка подёрнуто белейшим лебединым пухом облаков, что пригнал ветер, вечный пастух воздушных стад. Внизу, среди смарагдовых холмов и густозелёных лесов прихотливые руки неведомых богов прочертили аквамариную полосу реки, щедро разбросали по лугам множество цветов, наполнили заводи камышом и водяными лилиями, закружили над многоцветьем венчиков бесчисленную пчелиную армию.

А выше, за хрустальным сводом небес – бездонная чернота. Пространство и нечто большее, Межреальность, то, что больше пространства и пустоты.

Межреальность, разделяющая и соединяющая миры Упорядоченного. Межреальность, где прокладывают свои тропы в равной степени маги, чудовища и боги. Межреальность, где свободно текут иные, незримые реки, реки первородной, животворящей силы, иными называемой «магия».

На берегах реки, где сходились дороги, водная с сухопутной, раскинулся городок. Вольно разбросал бревенчатые дома, ни стен, ни рвов, ни башен, словно никого не боясь.

В городке имелся храм, имелось и торжище, и два вполне приличных трактира, равно как и питейный дом со всеми полагающимися подобному заведению радостями; но приезжему скорее всего показали бы не это, а совсем иное.

Просторные новые хоромы на окраине городка, с прихотливыми наличниками и резными ставнями, с высокой трубой и заботливо ухоженным садом, где росло такое, что обойди весь свет – не сыщешь похожего.

А пуще всего указали бы – тайком, разумеется, – на хозяйку. Высокую и статную женщину, что, несмотря на четверых детей, по-прежнему носила длинную, ниже пояса, косу. Щёки и лоб её покрывал загар, в уголках глаз едва заметны только-только проступившие морщинки, но высокие скулы оставались чисты и гладки, словно у шестнадцатилетней, как и грудь, предмет жгучей зависти всех кумушек городка. Женщине можно было дать тридцать или тридцать два, но ни днём больше.

Её знали все. И все звали не иначе как «госпожа Клара», и кланялись ей куда ниже, чем благородным или священникам.

Потому что госпожа Клара была чародейкой. Но при этом совсем не похожей на чванливых магов из далёкой столицы, что щеголяли в голубом и золотом, носили массивные перстни и огромные, выше человеческого роста, посохи с вычурными набалдашниками.

Госпожу Клару любили и побаивались. Потому что она слыла, как говорится, «строгой, но справедливой». Она не отбивала хлеб у местных знахарей, и те, поняв, что им не стоит опасаться новоприбывшей, сами бежали к ней, если случай оказывался слишком трудным или надо было спасти роженицу с, как объясняла госпожа Клара, «поперечным предлежанием плода»...

Но занималась госпожа Клара и зарабатывала на хлеб совсем другим.

Правда, нашлись и такие, кто госпожу Клару, скажем так, недолюбливал. Например, молочница Хильда, вечно косившаяся на Клару и шипевшая себе под

нос какую-то гнусь; но даже она, первейшая сплетница во всём Поколе, «языком что помелом» мести не отваживалась.

* * *

Клара Хюммель-Стайн любила свою мастерскую. Вообще-то она любила весь свой дом, нынешний, настоящий, где бегали, смеялись, шалили, ссорились и тотчас мирились дети – и её собственные, и соседские; дом, где ночами на подушке рядом похрапывал Сфайрат; дом, где Клара знала каждую половицу, каждую дверную петлю и каждый шесток.

Своё бывшее обиталище в Долине Магов она почти не вспоминала. Только когда зажигала лампадку перед маленькими портретами родителей, единственной вещью «оттуда», оставшейся на виду.

Разумеется, сама Клара в Долину не ходила, отправился Сфайрат. Вернулся он тяжело нагруженный – после некоторых размышлений Клара решила, что оставлять накопленные несколькими поколениями её родичей артефакты будет не слишком умно.

Время текло быстро в этом мире, куда быстрее, чем в Долине Магов. Вернувшийся Сфайрат с недоумением рассказывал, что там вовсю обсуждают совсем недавнее исчезновение мессира Архимага вкупе с досточтимейшим и уважаемым лекарем Динтрой. В Долине и вокруг неё прошли дни – а тут, в их мире, где родились дети Сфайрата и Клары, успели миновать годы.

Клара не горевала. Скорее даже напротив. Вернуться её не тянуло, ничуть. Смотреть в глаза подруге Аглае Стевенхорст, тёте сгинувшего мальчишки Кэра, она бы всё равно не смогла. Артефакты доставлены благополучно, Сфайрат проскользнул незамеченным. Вернее, его заметили, но всякий раз принимали за кого-то другого – дракон пустил в ход все резервы своей отводящей глаза магии.

Трудно не только простому смертному, но даже и магу осознать парадоксы Реки Времени. Как это так – в одном мире прошёл день, а в другом успел миновать год?.. Когда-то, ещё ученицей мессира Архимага, Клара частенько задумывалась над подобным, над соотношением звёзд в разных мирах, над бездонными

колодцами лишённых магии миров и зачастую плоскими, накрытыми хрустальными колпаками небес мирами магическими, где незримые потоки жизненной силы Упорядоченного текли свободно и невозбранно; когда-то она задумывалась над всем этим, а потом любовь, семья, дети властно отодвинули все подобные соображения в сторону.

И лишь в редкую звёздную ночь, чистую и безоблачную, Клара Хюммель-Стайн замирала на крыльце собственного дома, вглядываясь в мерцающие огоньки небесных светил.

Поистине преудивительно. В лишённом магии мире, где ей довелось побывать и откуда она привезла эту песню, начинающуюся словами «El pueblo unido jamas sera vencido», звёзды плавали в океанах чёрной пустоты исполинскими огненными шарами; шарами настолько огромными, что почти отказывало воображение даже волшебницы, привыкшей, казалось бы, ко всему. Людям на раздираемой склонами несчастной планете казалось, что их «вселенная» бесконечна, на деле же пространство свёртывалось, обтекающая закрытый мир магия создавала лишь иллюзию огромности.

Но исполинские звёзды от этого не становились менее внушительными, грозными и пугающими. Нет, как-то в привычных мирах и мирках, где ночные светила есть лишь искорки на хрустальных небесных сферах, ей, Кларе Хюммель-Стайн, намного привычнее.

...А в мастерской вкусно пахло свежей стружкой, полки вдоль стен завалены были всевозможнейшими чурочками и чурбачками, обрезками дерева самых разных пород, какие только произрастали в Кимме (так звался этот мир). Штуки ткани, мотки дорогой тянутой проволоки, стеклянные бусины, кристаллы и кристаллики, кусочки металла, кисти, краски, великое множество стамесок и долот, молотки всех мастей и калибров, резак, рубанки и длинный фуганок, даже два станка, сделанных по Кларину заказу гномами, – обтачивальный и сверлильный.

Клара делала игрушки. Не магическое оружие, не талисманы или обереги, но – игрушки. Зверей и кукол, воинов и чародеев, драконов и прочее, всё, что только могла измыслить. Игрушки, правда, были не простыми – живыми. Куклы умели говорить, иные, особо удавшиеся и попавшие в правильные руки, так и бойко болтать. Двух одинаковых игрушек у Клары никогда не получалось, да она не особо и старалась. Вышедшие из её рук зверушки и человечки умели

не только играть – они охраняли, заботились о своих маленьких хозяевах и при нужде могли поднять настоящую тревогу.

Стоит ли говорить, что у Клары отбоя не было от покупателей? Приезжали издалека, иные негоцианты, случалось, по первости пытались захватить вообще всё, что она делала; впрочем, попытки эти для них ничем, кроме срама, не кончились. Нередко она вообще отказывала, если видела, что её труд попадёт в руки какого-нибудь донельзя испорченного барчука.

Она любила мужа, детей, свой новый дом, новый мир, новое небо. Любовалась старшим сыном – Чаргосом, играла с младшенькой – Зосей, хохотушкой и непоседой, строжила средних, близнецов Аэсоннэ с Эртаном, вечно затевавших какие-то шкоды и проказы.

Имена трём старшим дал Сфайрат своей волей. Особенно долго он колебался, прежде чем протянуть руку над головкой новорождённой девочки и произнести «Аэсоннэ».

Волосы малышки были цвета расплавленного жемчуга.

Клара не препятствовала. Сфайрат как-то рассказал, в порыве откровенности, после того, как они наконец оторвались друг от друга и повалились на подушки, что драконы верят в перерождения. Вырвалось у него это словно против его воли, и Клара никогда не добивалась подробностей.

Да, Аэсоннэ не умерла. Та самая драконица, та самая девушка, спутница непутёвого маль... нет, конечно же, нет. Кэр Лаэда успел вырасти и возмужать. Просто она, Клара, этого не разглядела, не поняла, не осознала... и натворила дел.

Погубила всё, будет вернее сказать.

Сфайрат всегда чувствовал, когда на неё накатывало. Неслышной тенью возникал рядом, прижимал к себе, осторожно целуя в волосы, шептал на ухо что-то пустяковое, касался висков, и тьма отступала, заползая обратно в неведомую пещеру. Клара сильно подозревала, что в эти моменты дракон беззастенчиво пользовался своей магией (которую они вообще-то договорились не применять друг к другу), но молчала; она знала, почему он так поступал.

Он, дракон Сфайрат, последний из рода тех, кто хранил Кристаллы Эвиала, последний из стражей мира, чудом переживший гибель врученного его попечительству сокровища и даже почти переставший летать – только когда ставил на крыло их детей.

Два осколка, два изгоя, вставшие спина к спине.

Клара вздохнула, поправила косу – по суждению здешних кумушек, замужняя женщина никак не могла носить эту сугубо девичью красу, но когда боевой маг Долины слушал, что станут болтать у неё за спиной?

Она, сразившаяся с самим Спасителем? Она, вонзившая в Него Алмазный и Деревянный мечи, видевшая, как зачарованное оружие вспыхнуло, не в силах противостоять Его истинной мощи?

И с тех пор утраченные навсегда Мечи снились ей не раз и не два. И настойчиво, очень настойчиво звучало – такая сила не могла сгинуть бесследно.

Настанет день, когда она проявится. Где, когда, в какой форме?..

Никто не знает.

И её любимейшее оружие, рубиновая шпага, уцелевшая, когда она, Клара, жгла в магическом пламени артефакты на тропе Межреальности, тщась вытащить Сфайрата из неумолимо надвигающейся смерти, – рубиновая шпага пребывает без дела. Пока пребывает.

Клара тяжело вздохнула, с силой прижала пальцы к вискам.

Давай-ка за дело, подруга Хюммель-Стайн. Игрушки ждут.

* * *

Ирма переминалась с ноги на ногу, застенчиво теребя подол платица – старенького, но чистого и аккуратно заштопанного, так что и не сразу заметишь. Во вспотевшем кулачке она сжимала огромное богатство – целых три серебряка

и ещё пяток медных денежек помельче. Стоило гнуть спину в трактире Свамме-гнома, драить полы или перемывать бесконечные развалы посуды. Ирма отлично умела драить глиняные плоски и кружки, раз-раз-раз – и они уже сверкают, словно только что с гончарного прилавка. Дядька Свамме её не обижал, платил честно и аккуратно, и совсем не верит она, Ирма, в то, что взрослые про гномов болтают – мол, продались они подземным демонам, оттуда, мол, все их богатства, а сами детей втихаря воруют и в жертву тем демонам отдают...

Девочка тихонько вздохнула. Она копила невеликий свой заработок с самого Многоцветия, четырежды по четыре седмицы. Долго-предолго и вовсе даже на другое, но... Она, Ирма, хоть и мала ростом, а считать умеет и грамоту знает, спасибо патеру Франклю, старому монаху, нашедшему приют у Свамме-гнома в трактире. Почему скуповатый гном кормит и поит бездомного бродягу в худом рублище, Ирма не знала и не гадала. Главное, что патер Франкль её, Ирму, любил и чем мог помогал – таскал дрова и воду, поддерживал огонь под большим котлом; Свамме-гном похвалялся, что посуду у него моют в горячей воде, а не просто оттирают песочком, как в иных, не столь уважающих себя местах. И вот как-то мимоходом, между делом, научил и счёту, и чтению. Правда, о том, что она грамотная, Ирма помалкивала – тот же патер Франкль надоумил: мол, от греха подальше. Какие такие «грехи» имелись в виду, Ирма тоже не знала, но послушно молчала.

Топталась она возле широко раскинувшегося дома, большого, как два или даже три обычных в Поколе. Единственный в городке, крыт он был не потемневшим от дождей тёсом, а дорогой красной черепицей. Побелённые стены, перечёркнутые косыми крестами опорных балок, зелёные ставни, причудливые наличники...

Ну, всё, пошла – она глубоко вздохнула и осторожно приоткрыла дверь. Звякнул колокольчик, пахнуло пирогами и ещё чем-то неуловимым, пряным. Строго мяукнул здоровенный страж-кот, внимательно поглядел на Ирму золотисто-драконьим глазом, мол, кто такая, что тут делаешь? Смотри у меня, мимо такого, как я, даже мышь не проскочит!

Страж-коты умели говорить, но только со своими хозяевами. Тем не менее Ирма вежливо присела (этому тоже научил патер Франкль) и сказала, обращаясь к коту, словно к человеку:

– Мне бы хозяйку... госпожу Клару. Если можно. Пожалуйста, – поспешно добавила она в конце.

– Ммырряу, – удовлетворённо ответствовал котище и исчез под прилавком. Из темноты на Ирму по-прежнему смотрела пара глаз, так непохожих на обычные кошачьи.

Лёгкие шаги из глубины дома – и вот перед оробевшей Ирмой оказалась сама госпожа Клара. Девочка снова присела, опустив глаза, как учили.

– Здравствуй, Ирма, дорогая моя, – прохладные пальцы чуть коснулись затылка. – Никак решилась? За Серым пришла?

– Да, госпожа...

Хозяйка лавки фыркнула совсем неподобающе для могущественной чародейки, умеющей оживлять игрушки.

– Ладно тебе, миленькая. Вот он, твой Серый.

Ирма тихонько вздохнула, разжимая кулачок с деньгами. Монеты звякнули о прилавок.

Волшебница отчего-то вздохнула.

– Эх, малышка... держи его.

Ирма протянула дрожащие руки. Клара подтолкнула к ней Серого – небольшого пушистого зверька, по виду – сущего волчонка.

– Погладь его, – посоветовала Клара, и Серый тотчас же ожил. Зелёные глаза моргнули, нос с сопением втянул воздух, высунулся и лизнул Ирму в щёку шершавый язык.

– Ты моя хозяйка, – услышала обомлевшая девочка.

* * *

Ирма убежала, простучав босыми пятками по ступеням крыльца. Бедная – столько копила на живую игрушку; Клара отдала бы девочке заветного волчонка и даром, но полученное «за так», знала она, не ценится. Серый достался Ирме тяжёлым трудом, и он хорошо послужит маленькой хозяйке, уж в этом-то Клара не сомневалась. Сил в эту игрушку она вложила столько, сколько в пяток обычных.

– Мррряу, хорррошая, хорошая девочка, – промурлыкал Шоня. Страж-кот устроился возле ног Клары, свернулся клубком и прикрыл нос пушистым хвостом.

– Так и дал бы себя погладить, она же хотела, – рассеянно заметила Клара, прибирая деньги. При случае, подумала она, верну их Ирме обратно. Скажем, попрошу последить за Зоськой.

– Мррр, хотела, – согласился котище. – Но какой же страж-кот себя чужим гладить даст? Даже таким хорошим девочкам!

– Будет тебе, – засмеялась Клара, опуская ладонь на пушистый загривок. – Кто вас, страж-котов, только говорить научил?

– О, то был великий чародей! – оживился Шоня. О славном прошлом своего народа страж-кот готов был рассказывать вечно. – В одинокой и заброшенной башне жил он, и некому было согреть его постель, некому было ловить мышей и крыс в его подвалах, никто не мог даже посидеть у него на коленях и помурлыкать, когда ему было грустно. И тогда он собрал котов, самых лучших и самых отважных, и сказал им...

– Как же он мог им что-то сказать, если вы тогда ещё не умели говорить и речь человеческую понять не могли? – улыбнулась Клара.

– Он был великим чародеем! Великим! В этом-то и всё дело!

– Понятно. Великим. И в этом всё дело.

Кот страшно гордился своим происхождением.

– И сказал им... Госпожа!

Шоня вскинулся, проделав что-то вроде обратного сальто с места. Клыки обнажились, из таких мягких на вид лапок показались когти.

«Маг здесь», – услышала она. В минуту опасности – или того, что Шоня считал таковой, – страж-кот всегда переходил на мыслеречь.

Маг. Конечно же, из местных чародеев. Она слыхала, что в Беллеоре, ближайшем большом городе, крупнейшем и самом богатом порту королевства Веллея, сменился глава местной гильдии волшебников и, судя по всему, решил самолично нанести визит этой непонятной «госпоже Хюммель-Стайн».

«Крыльцо». Шоня был уже где-то там, впереди, крался по самой границе света и тени так, что даже собственные хозяева не могли догадаться, где он.

Клара вытерла руки о передник, развязала тесёмки, шагнула из мастерской в лавку. Колокольчик уже настойчиво трезвонил – гость оказался не из терпеливых.

Волшебница поправила косу, вздохнула. Она уже знала, что за этим последует – неумный и возомнивший о себе толстяк с красным лицом, красотка с колючим взглядом записной стервы, молодой хлыщеватый нахал, привыкший, что все, носящие юбку, падают в обморок от одного его взгляда. Кричащая роскошь безвкусных нарядов, блеск золота – его слишком много, чтобы заметить каждую отдельную брошь, кулон, браслет или перстень.

Три такие – или примерно такие – депутации уже наносили ей визиты в прошедшие годы.

Клара вышла на крыльцо и остановилась. Медленно, не торопясь, скрестила руки на груди.

Человек, стоявший перед её домом, почтительно поклонился. Один. В простом сером плаще, зелёных портах и выдавших виды дорожных сапогах. Под плащом

скрывалась потёртая же кожаная куртка со шнуровкой на груди. Каштановые волосы чуть вились, спадая до плеч, карие глаза смотрели с уважением, но твёрдо.

- Госпожа. Разрешите засвидетельствовать своё почтение.

Он был магом, этот человек. Сильным и опасным, пожалуй, самым сильным из всех, рождённых в этом мире.

- Позвольте представиться – мэтр Гент Гойлз, облечённый доверием чародеев славного града Беллеоры председательствовать в их достославной гильдии, этого гадючника.

Чародей по имени Гент Гойлз не носил никаких украшений. Оружия или посоха он не носил также.

Опасен, очень опасен. Волшебники обычных миров, доросшие до понимания того, что всяческие посохи или там «волшебные палочки» есть просто фетиш, подпорка, костыль на первое время, пока не выработается настоящее умение, могут оказаться серьёзными врагами.

- Господин Гойлз, – Клара ответила учтивым медленным кивком. – Чему обязана я чести видеть вас у моего дома?

- Эээ... – развёл тот руками и весело улыбнулся. Блеснули белые зубы – магу на вид можно было дать не больше тридцати лет.

В такие годы – и уже глава гильдии. Значить это могло лишь одно – он опасен, да, очень опасен.

Клара не торопилась приглашать его в дом.

- Досточтимая госпожа, могу ли я просить вас о разговоре? Наедине, если возможно, и там, где нам не помешают?

- Едва ли подобные вопросы стоит задавать замужней женщине, матери семейства и добропорядочной супруге. – Клара рассмеялась, от всего сердца

надеясь, что выглядит это достаточно правдоподобно. Кажется, ничего, типчик купился. Эвон как скалится...

– О, о, прошу прощения, досточтимая госпожа Клара. Конечно, слова мои недоброугодны. Да, с формальной точки зрения просить замужнюю даму о разговоре наедине вещь неслыханная и предосудительная, если только речь не идёт об альковных делах при взаимной симпатизации обоих. Иной ревнитель приличий и в самом деле углядел бы тут оскорбление словом. Но мы-то с вами понимаем, что...

– Да, разумеется, – улыбайся ему, улыбайся. Да поприятнее. Ты уже не та Клара Хюммель-Стайн, что очертя голову кидалась в любую схватку – особенно когда Аветус не вернулся в Долину. – Прошу вас, господин Гойлз. Однако не обессудьте, но беседовать с вами стану лишь при моём супруге. У меня нет от него секретов.

– Ничуть не возражаю. – Маг взбежал на высокое крыльцо одним красивым, слитным движением, словно охотящийся пардус. Оглядел Клару смеющимся взглядом, вновь поклонился.

– Я не большой искусник по части комплиментов, но дозволено ли мне изъяснить своё искреннее и глубокое восхищение красотой вашей, досточтимая Клара? Надеюсь, что остаюсь пока в рамках приличий. – Он подмигнул чародейке.

Клара улыбнулась. Где-то глубоко внутри было приятно, словно девчонке. Что ж, пусть молодой человек старается...

– Прошу. – Волшебница посторонилась.

Она не сомневалась, что Шоня уже известил Сфайрата, и её дракон – могущий сыграть, и притом очень убедительно, самую жаркую сцену ревности, если только потребуется, – уже готов.

Они прошли просторной передней, Клара поклонилась, жестом приглашая мага в гостиную.

Сфайрат и впрямь уже ждал их. И, конечно, при полном параде. Чёрная кожаная безрукавка поверх белоснежной рубахи, широкий пояс с парой кинжалов – и, разумеется, строгий, ревнивый взгляд.

Взгляд, само собой, предназначался не Кларе – пришлому чародею.

– Милостивый государь... господин Аветус Стайн... позвольте мне засвидетельствовать вам моё наиглубочайшее почтение...

– Аветус, это мэтр Гент Гойлз, высокоучёный маг, глава гильдии магов Беллеоры.

– Счастлив приветствовать вас, сударь. Лёгко ли был ваш путь? Не угодно ли откусать с дороги? Клара, распорядись...

Чародейка с трудом подавила смешок.

– Нет-нет, – вскинул ладони Гойлз, словно защищаясь. – Прошу вас, досточтимые хозяева, я только что отобедал.

– Тогда, быть может, вина, сударь?

– Благодарю, господин Аветус, но я не употребляю никаких затуманивающих сознание снадобий, – отказался гость. – Несмотря на традицию и рискуя оскорбить ваше гостеприимство.

– Помилуйте, сударь, и речи об этом быть не может! – замахал руками Сфайрат. – Мы первые, кто оценит вашу свободу.

– Может, квасу? – предложила Клара.

«Он не хочет ничего ни есть, ни пить в моём доме», – поняла она, видя, как приятная улыбка мэтра Гойлза становится чуточку более напряжённой.

– Спасибо, госпожа Клара. Но я предпочёл бы перейти прямо к делу. В конце концов, я невежливо и бесцеремонно ворвался в ваш дом, нарушил обычный ход ваших дел и потому не хотел бы отнимать много времени.

– Как вам будет благоугодно, мэтр, – елейным голоском пропела Клара. – Мы смиренно внимаем.

Сейчас она уже невольно жалела, что пустила этого типа в дом. Да, он опасен, с такими надлежит приветливо улыбаться, но опытный волшебник может многое вызнать, всего лишь оказавшись в чужом жилище. Разумеется, подслушивающих и подсматривающих чар Кларе опасаться не приходилось, – не научились ещё плести в этом мирке такие, что она бы не справилась, – однако с господином Гойлзом следовало держать ухо востро. Всегда ожидай от неприятеля сюрпризов, и тогда он не застанет тебя врасплох.

Да, она не ошиблась. Продолжая приятно улыбаться, гость так и норовил стрельнуть по сторонам острым, пристальным, внимательным взглядом. Что ж, смотри-смотри, а я сделаю вид, что ничего не замечаю.

– Так чем же мы обязаны чести принимать вас, мэтр?

– Госпожа Клара, я понимаю, что в прошлом к вам уже являлись делегации нашей гильдии?

– Ваша память совершенна, сударь Гойлз...

– Гент. Просто Гент, – с готовностью перебил чародей.

– Прекрасно, – Клара одарила гостя ещё одной обворожительной улыбкой, – да, Гент, вы правы. Ваши коллеги наносили мне визиты... и не один раз. Не скажу, что мы расстались со взаимным удовлетворением от встречи.

– Поистине, – кивнул Гойлз. – Но сие имело место при прежнем главе гильдии, досточтимом Мендрокте, а старец, несмотря на множество заслуг и благочестие, увы, не отличался приятностью характера. К сожалению, это передалось и на приближённых к нему гильдийцев.

– Дело прошлое. – Клара не переставала улыбаться. – Я его и забыла уже.

– Благодарю вас и ценю вашу деликатность, досточтимая госпожа...

– Клара. Просто Клара.

Смеющийся взгляд Сфайрата, казалось, говорил: «А теперь мне что же, ревнивца играть?!»

– Благодарю. Клара, я явился к вам с предложением.

– Я вся внимание.

Гент всё-таки волновался, отметила чародейка. Умён, бестия, понимает, куда попал. И уже одно это очень плохо. Те, что являлись до него, как раз ничего не понимали...

– Госпожа, – Гент сплёл пальцы рук, сильно сжал. – Я не буду скрывать, что о вас ходят слухи.

– Слухи? – Клара как можно более естественно подняла бровь.

– Да. Слухи о госпоже Хюммель-Стайн уже давно достигли самых дальних пределов и нашего королевства, благословенной Веллеи, и наших соседей. Разумеется, среди осведомлённого сообщества.

– Я польщена, – Клара развела руками. – Польщена и удивлена, откровенно говоря. Но, право же, осведомлённое сообщество только зря тратит время, коллекционируя слухи или обсуждая их. Я самая обычная...

– Самая обычная кто? – тотчас перебил Гойлз.

– Игрушечных дел мастерица, – спокойно сказала Клара.

И вновь приятно улыбнулась.

– Вот именно, – вступил Сфайрат. – Моя супруга делает игрушки. В этом нет ничего предосудительного. Мы платим все установленные его величеством подати. Желаете взглянуть?

– Помилуйте, я не податной сыщик! – ужаснулся Гойлз. – Всемогущие силы, нет, никогда! О, неужто вы решили, что я болтал тут всё это время, дабы выяснить, не задолжали ли вы казне нашего дорогого величества, доброго короля Саввиоля, да будет крепка и неутомима его печень?! Нет, нет и ещё раз нет! Меня привело сюда совсем иное.

– Совсем иное? – Клара вновь понадеялась, что получилось это у неё достаточно растерянно и робко. – Что же, помилуй меня небеса?

– Госпожа, – Гент Гойлз даже привстал, прижимая руки к груди, – вам совершенно не нужно нас опасаться. «Нас» – я имею в виду, конечно, сообщество цивилизованных чародеев и мастеров магии. Но и вы должны, я считаю, нас понять. Ваши игрушки... Простите, я разволновался и заторопился.

– Мои игрушки? – подняла брови Клара. – Я не получила пока ни одной жалобы на них. Одни благодарности. И мои покупатели...

– Да-да, я знаю, я знаю, – вновь зачастил Гент извиняющимся голосом. – Но, госпожа Клара! Вы же не просто мастерите игрушки! Вы мастерите живые игрушки! И никто, я подчёркиваю это, никто из магов, известных мне, не способен ни на что подобное. Вы же оживляете мёртвое! Понимаете? Оживляете мёртвое! Госпожа Клара, разве вы не понимаете, что, едва подобные слухи достигнут королей и герцогов, ваша спокойная жизнь кончится? Что они все потребуют от вас тех самых «големов», что порой встречаются в наших сказаниях? Неуязвимых чудовищ из дерева или железа, способных сокрушать ворота крепостей или даже стены замков? Вы понимаете, что это – всего лишь вопрос времени? И что вы станете делать тогда, госпожа Хюммель-Стайн?

Наступила тишина. Мэтр Гойлз судорожно вздохнул.

– Прошу прощения, досточтимые хозяева. Быть может, я говорил со слишком... большим чувством.

– Поверьте, мэтр Гент, мы ценим вашу заботу, – промолвил Сфайрат, глядя в глаза магу. – Но что же дальше? Вы ярко изобразили грозящие нам опасности. Надо полагать, вы предлагаете и выход?

– Разумеется, досточтимый Аветус. Иначе меня бы здесь не было. Очень хочется верить, что я несколько отличаюсь от моих... более подверженных традиции коллег.

– Мы все внимание.

– Вам надо вступить в Гильдию, госпожа Клара.

– Это нетрудно сделать, – пожала плечами чародейка. – Но раньше-то об этом речь не шла. А исключительно о незаконной и подсудной волшбе. К счастью, у приставов хватило сообразительности не лезть на рожон.

– Неужто вы бы выпустили на них какого-нибудь «игрушечного» дракона высотой в этот дом? – Гойлз вскинул руки в шутливом ужасе.

Или в как бы шутливом? Или он на самом деле намекал, что досточтимый эсквайр Аветус Стайн в действительности?..

– Помилуйте, сударь Гент, я на самом деле очень, очень мирная женщина. До той поры, пока не начинают угрожать моей семье.

– Вот именно! – подхватил гость. – Любезная Клара, дорогой мой Аветус, магическое сообщество Беллеоры могло бы оказать вам существенную поддержку. В противном случае вы останетесь один на один с королём Саввиолем, а сей достойный монарх, знаете ли, шутить не любит. Захват в заложники ваших детей – это самое меньшее, на что он способен. Мы же вполне в силах скрыть от его величества само ваше существование. А так... простите, госпожа Клара, простите, господин Аветус, но ваши игрушки... – Он покачал головой, поцокал: – До добра не доведут. И потом, – Гойлз заговорщически-доверительно понизил голос, наклонил голову, – и потом, как вы всё-таки это делаете? Некоторые из магов, моих, гм, старших коллег, уверены, что здесь не обошлось без врага рода человеческого, без врага обожаемого всеми нами Спасителя. А это, как вы понимаете, означает интерес ещё менее склонных к шуткам дознавателей из Святого Дела.

Наступила тишина. Гойлз скрестил руки на груди, откинулся, словно донельзя довольный собственными словами.

Клара и Сфайрат переглянулись.

– Что ж, спасибо, что предупредили нас, сударь. Мы ценим это, поверьте, – дракон протянул магу руку. – Но поверьте, мэтр Гойлз, мы в силах за себя постоять.

– Не сомневаюсь, – медленно и осторожно сказал тот. – Чародей, способный на подобные заклинания... – он покачал головой. – На заклинания, что самым настоящим образом сводят моих соратников по гильдии с ума. Заклятия, применяемые вами, не имеют аналогов. Не алгоритмизируются, не поддаются расшифровке, не... – Гент Гойлз безнадежно махнул рукой. – И с таким багажом вы хотели тихой и незаметной жизни, госпожа Клара Хюммель-Стайн? Не вставая ни на чью сторону? Король, наше светлое величество, двинет сюда целую армию, как только прознает. А уж он прознает, госпожа Клара, можете не сомневаться.

В горле у Клары уже давно стоял тугой комок, она с трудом сдерживала ярость.

– Мэтр Гент, – спокойнее, спокойнее, ну неужели ты зря так долго терпела тут эту болтовню, чтобы теперь всё так глупо испортить, – ещё раз спасибо вам за заботу. Вы наверняка подвергали себя опасности, предпринимая сие путешествие. Ваши... коллеги, что держатся иного мнения, они ведь могут?..

– О, что вы, что вы, досточтимая Клара. Я польщён вашим беспокойством, но, поверьте, со мной всё в полном порядке. Я здесь исключительно потому, что тревожусь за вас.

Эх, сказать бы этому надменному, играющему в простоту и искренность чародеишке, что если кто бы то ни было, хоть маги, хоть слуги Спасителя, Орден Святого Дела или даже сам король Саввиоль, светлое величество, попытается хотя бы косо посмотреть на её со Сфайратом детей, они с мужем сотрут с лица земли любую армию, любую крепость?!

Да, Сфайрат лишился кристалла. Да, возвращение к истинному облику давалось дракону через боль, и телесную, и душевную, насколько сильную – Клара могла лишь догадываться. Но если он таки перекинется – несдобровать любому врагу. Да и она, Клара, чего скромничать, – сильнее любого здешнего чародея. Под этим солнцем и не подозревали о множественности обитаемых миров, о силах,

скрывающихся за синими небесами; они не знают, что такое боевой маг Долины, маг, сражавшийся, когда их позвали положить конец восстанию Безумных Богов.

И они таки положили!

Так что руки у них коротки, у всех местных королей и волшебников.

– Досточтимый мэтр, – вмешался Сфайрат, мигом ощутив Кларино настроение. – Всё это поистине замечательно, но что вы от нас хотите? Говорите, что можете помочь – как именно?

– Я очень рад, что слух ваш преклонился к моим словам, – мэтр Гойлз поклонился, не вставая из-за стола. – Что делать? Я скажу. Допреждь всего – удалиться из сих мест. Гильдия наша весьма богата, у нас есть... укромные владения вдали от глаз сильных мира сего.

– Бросить дом, мастерскую, дело? Бежать?

– Да, госпожа Клара. И, конечно, не делать больше этих ваших ужасных игрушек. Вы хоть представляете, как за ними гоняются иные маги, из других, не столь понимающих и терпимых гильдий, как наша?

– Они что же, – медленно проговорила Клара, поднимаясь, – отбирали? У тех, кто покупал мои игрушки? У детворы?

– Ну, госпожа Клара, должен признаться, что в сём имелся известный резон...

Одному Сфайрату ведомо, чего Кларе стоило не вышвырнуть самоуверенного мага прямо за порог. А что – она б смогла, и при этом ей почти не потребовалось бы магии.

Потому что никто, никто не смеет отбирать у детей ею сработанные игрушки.

– Благодарю, господин Гойлз, – услышала она собственный голос. – Мы подумаем.

– Осмелюсь заметить, тут не «думать» нужно, а дело делать, – важно и с известной фамильярностью заметил чародей. – Причём как можно скорее.

Клара, поднявшись, так и осталась стоять, в который уж раз обегая взглядом знакомые стены.

Глиняные смешные фигурки, зверюшки и птицы, она покупала их всякий раз, оказавшись на ярмарке. Резные картины, воины, бьющиеся с чудовищами, их резал слепой мастер на ощупь. Дарёные кинжалы и ножи – суровые оружейники молча клали их на её прилавок поверх платы, забирая игрушки. Гобелен – его добыл где-то Сфайрат – с одинокой горой на фоне звёздного неба, склоны озарял странный мертвенный свет. Вещи, казалось бы, простые, безо всякой магии; Кларин дом в Долине Магов ломился от самых причудливых и изысканных артефактов, но домом, как теперь стало ясно, не был.

Она добывала всяческие кольца, кристаллы, амулеты, зачарованные кинжалы и браслеты, камни и прочее потом и кровью, брала с боем, завоёвывала, рискуя собственной шкурой. Гордилась собой. Хвасталась сотоварищам по Гильдии.

Но весь этот пропахший кровью и смертью хлам был мёртвым. Мёртвым изначально в отличие от любовно сделанных простых, совсем не магических и, казалось бы, совершенно бесполезных безделушек. Хотя, конечно, не совсем безделушек, взять те же кинжалы – иная работа не уступала гномьей.

– Мы подумаем, господин Гойлз, – повторила она. – Не следует полагать, что мы совсем уж беззащитны.

– О нет, конечно же, нет! – горячо воскликнул гость. – Сужу хотя б по вашему страж-коту. Отличная зверюга. Не сильно ошибусь, предположив, что он справится с целой волчьей стаей?

«Зорек, – оценила Гойлза Клара. – И да, опасен. Здешние страж-коты заимствуют силу у хозяев, верно. Эх, разиня! – выругала она себя. – Раньше надо было думать...»

– Вы нам безбожно льстите, господин Гент, – лучезарно улыбнулся Сфайрат, являя безупречно белоснежные зубы. – Но супруга моя права. Нам надлежит подумать. Мы и впрямь не беззащитны. Не угодно ли всё-таки откусать что-нибудь, сударь? Насухую и говорить-то несподручно...

Однако Гойлз вновь отказался. Встал, подчёркнуто вежливо раскланялся.

- Но вступить-то в нашу гильдию вам ничто не может помешать, государи мои? Для этого вовсе не надо ничего бросать и никуда не надо переселяться.

- Вступить в гильдию? - подняла брови Клара.

- Конечно! - с подъёмом отозвался гость. - Как же мы можем вам помочь, если вы не доверяете нам даже в такой малости?

- А что же нужно делать... став членом гильдии? - осторожно поинтересовался Сфайрат.

- Прежде всего, - Гент принялся вдохновенно загибать пальцы, - внести начальное пожертвование на текущие расходы гильдии. Потом - пожертвование в пользу престарелых и немощных магов, находящихся на нашем попечении. Затем - пожертвование на содержание школы и академии, разве не обязаны мы заботиться о детях, нашей смене и нашем будущем?

- Пожертвования, да-да, понятно, - кивнула Клара. - Ещё раз благодарим вас, досточтимый господин Гойлз.

- У меня с собой всё необходимое, - гость с ловкостью опытного приказчика извлёк из-под так и не снятого плаща роскошного вида бювар драгоценной выверновой кожи, раскладывая на скатерти листы пергамента, бронзовую чернильницу-непроливайку, несколько перьев, баночку с песком...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. роман «Война Мага. Конец Игры», т. 1, с. 7-8.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nik-perumov/pamyat-plameni>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)